

Олег Юрьевич Рой
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8686157
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево / Олег Рой: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76700-7

Аннотация

Успех и всенародная популярность, к которым всю жизнь стремилась Ирина Невельская, не приносят ей счастья. Да, она осуществила свою мечту – покорила Москву, стала знаменитой артисткой... Но почему же сейчас, когда она всего добилась, тоска и разочарование разрывают ей сердце? Почему не покидает мысль, что упущено что-то важное? Единственный ребенок – Алика – шляется по ночным клубам, покуливает травку. Мужья... первый ушел сам, второго выгнала. Сплошные неудачи в семейной жизни! Как бы хотелось Ирине все наладить и исправить ошибки, которые совершила! Она готова даже пожертвовать любимой профессией ради этого. Однако спасение приходит неожиданно. И находит его Ирина в совершенно неожиданном месте – в своих истоках, там, где родилась.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Олег Рой

Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево

Памяти моего сына Женечки посвящается

*Прежде чем осуждать своих родителей, вырасти сначала
собственных детей.*

Глава 1

Москва слезам не верит

Ритм большого города давно стал притчей во языцех. Сколько уже было сказано и пересказано о бешеном темпе жизни мегаполиса, о вечной борьбе за выживание в нем, о постоянном стрессе, хронической усталости, перманентном цейтноте и непрекращающейся суете, которые сопровождают каждое мгновение городского существования. Но сколько ни говори – ничего не меняется. Мы продолжаем жить так же, как и жили. К этому стилю бытия привыкаешь, как к наркотику, подсаживаешься на него с первых дней и вскоре уже не представляешь себе, что можно существовать как-то иначе. Типичный обитатель мегаполиса даже дома не сбивается с заданного суетой ритма и искренне считает отдыхом время, проведенное за телевизором или компьютером. Нам даже в голову не приходит, что на самом деле мы подобным образом просто отгораживаемся от самих себя, чтобы не задумываться о том, что на самом деле творится в нашей душе – потому что ответ на этот вопрос порой бывает крайне неприятен.

Ирине Невельской, популярной и востребованной актрисе театра, кино и телевидения, как именovali ее в СМИ, некогда было задавать себе подобные вопросы. Что такое вечный цейтнот, она знала лучше, чем многие другие. Завтра ей предстояло лететь в Сочи, где начались съемки очередного телесериала, а сегодня еще судорожно доснимались последние эпизоды нового сезона приключенческого сериала, в котором Ирина играла главную роль – умной и обаятельной женщины-судьи.

С раннего утра Ира была на ногах и к полудню уже чувствовала себя как выжатый лимон. Впрочем, это было для нее привычным состоянием: с ним она не только ложилась спать (ей никогда не удавалось добраться до постели раньше двух часов ночи), но и вставала почти каждый день. Иногда, очень редко, она позволяла себе вздохнуть, пробормотать тихонько, когда никто не слушает: «Боже, как я устала!» – и снова в бой. Снова бесконечная суматоха, осточертевшие поездки по городу из одного важного места в другое, еще более важное, вечные деловые и псевдодружеские встречи, очаровательные, но совершенно неискренние улыбки, приветствия и болтовня... Ну и работа, конечно. Собственно, от самой работы – съемок, репетиций, спектаклей, интервью, участия во всевозможных ток-шоу и тому подобном – Ирина уставала меньше всего. А вот что особенно выматывало – так это вынужденные затяжные перерывы и ожидание, которые почему-то всегда неразрывно связаны с кино и телевидением. Из всего съемочного дня перед камерой не проводишь и четверти затраченного времени, все остальное уходит просто в пустоту.

Вот и сейчас интервал между двумя эпизодами, в которых была задействована Ирина, составил около полутора часов. Ни туда ни сюда – ни отдохнуть толком, ни съездить по делам. А их до вечера нужно переделать великое множество. Досадуя, что опять придется бездарно потратить ценное время, Ира отправилась в кафе, села за столик у окна, дежурно улыбнулась знакомой официантке и заказала чашку кофе. Время было обеденное, но обедать она не стала: есть не хотелось. Ирина вообще была малоежкой, благодаря чему не имела проблем с лишним весом, что вызывало зависть всех возможных оттенков у большинства ее подруг. А вот чего действительно хотелось – так это курить. Однако с начала июня закон о запрете курения в общественных местах окончательно вступил в силу, и теперь Ира не могла позволить себе даже этого сомнительного удовольствия.

Вытащив из сумочки мобильный, она попыталась дозвониться мужу, но его аппарат был «выключен или находился вне зоны действия сети». «Как-то подозрительно часто у него последнее время отключен телефон», – раздраженно подумала Ирина, отхлебнула приме-

сенный официанткой двойной эспрессо и рассеянно поглядела в окно. Похоже, сейчас опять польет дождь. Черт знает что с погодой творится... Началось лето, даже не лето, а май с невероятной жарой, а потом вдруг неожиданно похолодало... Впрочем, какая разница? Когда живешь в таком бешеном ритме, в каком живет она, такие мелочи, как плохая или хорошая погода, просто не воспринимаются.

Ирина уже почти решила нарушить закон и все-таки вынуть из сумочки сигареты, когда вдруг услышала за спиной знакомый голос – низкий и великолепно поставленный. «Вживую» Ира не слышала его уже много лет, но всегда безошибочно узнавала, когда этот голос звучал по телевизору или по радио.

– Вот так встреча! Ирочка Корень!

Это обращение заставило Ирину встрепенуться. Как давно никто не называл ее по девичьей фамилии! Наверное, в ближайшем окружении уже и не осталось никого, кто помнил, что она не всегда была Невельской...

Пожилого, но все еще привлекательного мужчину, стоявшего сейчас у ее столика, как и саму Ирину, тоже знала вся страна. И это несмотря на то, что в кино и сериалах он играл только второстепенные роли. Актером Борис Владимирович Чигринский был прекрасным. Спектакли с его участием всегда собирали аншлаги, каждый его выход на сцену зрители встречали овацией, а студенты театральной академии, которым довелось учиться на его курсе, считали себя чуть ли не баловнями судьбы. В свое время Ирина тоже оказалась в числе этих счастливчиков и до сих пор была благодарна своему педагогу за все, чему тот ее научил. А это во многом выходило за рамки одного только актерского мастерства. На сцене и на экране Борис Владимирович чаще всего играл персонажей, в лучшем случае неоднозначных (а нередко и вовсе импозантных злодеев), но в жизни мало походил на своих героев, поскольку был доброжелательным, отзывчивым и глубоко порядочным человеком. Студенты часто приходили к нему поговорить о чем-нибудь важном, и далеко не всегда это касалось профессии. Они наверняка знали, что учитель их выслушает и поймет, не будет читать мораль, а действительно поможет разобраться в своих проблемах и даст реально дельный совет. В юном возрасте такие разговоры очень важны. Особенно для ребят, которые, подобно Ире, только что уехали из родного дома и даже из родного города...

Словом, Ирина была очень рада неожиданной встрече и с удовлетворением отметила, что, несмотря на возраст, выглядит ее наставник очень неплохо. И сразу бросалось в глаза, что это не заслуга портных, косметологов или пластических хирургов, нет, дело совсем в другом. Благополучие излучал не внешний облик Чигринского, а его взгляд, спокойные движения, мягкие интонации. Каким-то непостижимым для Ирины образом Борис Владимирович ухитрялся оставаться вне той мелочной суеты, которая заполонила всю ее собственную жизнь.

Чигринский охотно принял предложение Ирины сесть за ее столик, устроился напротив и тоже заказал кофе.

– Давненько мы не виделись... – проговорил он, разглядывая Ирину хоть и внимательно, но деликатно, так, что это не выглядело бестактным. – Лет уже семь, наверное. Как бы не больше...

– Неужели так много?! – ахнула Ира. – Ну да, действительно... Со времени проб на тот костюмный сериал, как его, «Китай-город»... По Островскому, кажется.

– По Боборыкину, – вежливо поправил Борис Владимирович. – И с тех пор я тебя видел уже только по телевизору.

– Издержки нашей профессии, – горько усмехнулась Ирина. – Даже близкие видят нас на экране чаще, чем дома. Если б муж не был моим агентом, боюсь, мы бы с ним вообще встречались не чаще пары раз в месяц. А так Игорь хоть иногда меня вытаскивает на всякие,

как он выражается, «мероприятия, необходимые для имиджа». Хоть я и сопротивляюсь изо всех сил.

Чигринский понимающе кивнул.

– Тоже не люблю всей этой *светской жизни*, – последние слова он произнес с откровенной иронией. – Но тебе, конечно, никуда от нее не деться, положение обязывает. Популярность, как Минотавр, требует постоянных жертв.

Ирина пожала плечами.

– Игоря не переубедишь, но, на мой взгляд, не так уж все это и нужно. Когда много снимаешься в сериалах, уже по определению становишься популярным. Для тех, кто каждый день на тебя смотрит, ты превращаешься почти что в члена семьи.

– Думаю, все-таки не ты, а твой герой, – мягко возразил Борис Владимирович, отхлебывая кофе.

– И ты сам тоже, – не согласилась Ирина. – Только, пожалуй, я неправильно выразилась. Становишься не членом семьи, а соседом, за которым подглядывают в замочную скважину и с наслаждением обсасывают все подробности его жизни... Особенно когда что-то случается. Не знаю, есть ли хоть одно СМИ, которое не перемыло косточки моей Алике после той истории... Вы, конечно, в курсе? – с досадой осведомилась она.

Борис Владимирович покачал головой.

– Практически нет. Я далек от желтой прессы и не интересуюсь сплетнями. Только слышал от кого-то из общих знакомых, что у твоей девочки были какие-то неприятности.

– «Были неприятности», – фыркнула Ирина. – Неприятности – это слабо сказано. И они, к сожалению, не были, а продолжают, конца и края им не видать...

Ирина машинально потянулась за сигаретами, но вовремя остановилась. Жестом подозвала официантку, заказала пятьдесят граммов коньяка и еще кофе. Неожиданно ей захотелось все рассказать Борису Владимировичу. Сколько уж времени она никому не изливала душу, не делилась тем, что действительно гнетет. А все лишь потому, что просто не оказывалось рядом подходящего собеседника.

В наше время не только продукты питания превратились в суррогаты – суррогаты чувств стали обыденными настолько, что вытеснили настоящие чувства. Суррогаты любви, суррогаты заботы, суррогаты сочувствия. Но если натуральные продукты человек может себе позволить, переплатив за «естественность», то натуральные чувства для многих жителей мегаполиса просто недоступны. Нет на них ни сил, ни времени у вымотанного, выжатого досуха современного горожанина. Потому и приходится довольствоваться суррогатами. И когда случается почти что чудо и рядом появляется человек, готовый проявить искреннее сочувствие, то просто грех не воспользоваться такой возможностью.

– Алика под домашним арестом, – поделилась Ирина. – К счастью, уже неофициально.

– Ничего себе! – вскинул брови собеседник. – А что случилось-то?

– Она чуть в тюрьму не загремела. – Ирина отвела взгляд. Ей было стыдно, как будто это она сама чуть не попала в тюрьму. – Подралась в ночном клубе....

И Ирина стала рассказывать о своем хождении по кругам ада. Началось оно с раздавшегося в ночи телефонного звонка и официально-строгого голоса в трубке: «Ваша дочь, Невельская Алика Артуровна, задержана по подозрению...» Затем продолжилось в отделении полиции, где Ирина увидела Алику в наручниках, с размазанной по лицу косметикой, сидящую в «обезьяннике» в компании каких-то бомжей и шумных, вульгарно одетых и размалеванных девиц. А потом были походы к следователю и визит к родителям пострадавшей, где Ирина, которой даже не предложили сесть, глядя в пол, пыталась откупиться от позора, попутно выслушивая всякие гадости про себя и дочь. Обыватель никогда не упустит возможности пнуть более известного и достойного человека – во все времена популяция мосек в разы превосходила количество слонов.

На судебное заседание репортеров, к счастью, не пустили, но вокруг здания суда они клубились целым роем, точно мухи в знойный летний день над кучкой свежего навоза. Ирине с дочкой еле удалось пробиться сквозь их толпу сначала в здание, а потом обратно к своей машине. На суде прокурор просил три года с отбыванием наказания в колонии, но Ирина не зря подняла на ноги всех знакомых, нашла хорошего адвоката и не поскупилась. В результате Алике дали два года условно.

– Я ведь и не замечала этого... Ну, того, какой она стала, – Ирина выпила коньяк, даже не почувствовав ни вкуса, ни опьянения. – Для меня она была всегда маленькой девочкой, которую я видела очень редко. Но что поделаешь... При нашей профессии нет никакой возможности совмещать семью и работу. Либо ты снимаешься, получаешь интересные роли и нормально зарабатываешь – либо перебиваешься с хлеба на воду и три раза в месяц играешь даму на балу во втором составе, но зато остаешься хорошей женой и матерью. Я выбрала карьеру. Наверное, меня можно за это осуждать... Но ведь актерская работа – это мое истинное призвание! Все, в том числе и вы, всегда говорили, что у меня настоящий талант! – произнесла это, Ирина разволновалась еще больше.

– Я и сейчас так считаю. – Борис Владимирович успокаивающим жестом положил тяжелую руку на ее ладонь.

– Я всегда старалась, чтобы Алика ни в чем не нуждалась, – продолжала Ирина уже тише. – У нее были прекрасные няни и гувернантки, она училась в лучших школах. Отдыхать ездила не реже трех раз в год. Если бы я себе такое могла позволить! Всякие шмотки, побрякушки, гаджеты – только скажи!..

– Ей сколько лет-то сейчас? – уточнил Чигринский.

– Девятнадцать весной исполнилось... – Ирина поморщилась, вспомнив еще кое-что неприятное. – После школы я ее в РАТИ поступила.хлопот с этим был полон рот, честно вам скажу. Алика, к сожалению, не в меня оказалась и даже не в свекровь, а видимо, в отца – способности практически на нуле. Но чем-то же заниматься в жизни надо! Вот я и настояла на актерском... Тут я ей хоть помочь смогу.

– А сама она что хотела? – словно бы невзначай поинтересовался Борис Владимирович. Ирина отмахнулась.

– Да ничего она не хотела! По фигу, куда поступать, лишь бы от нее отстали. Вот я и билась с ней, репетиторов наняла по мастерству, по всем предметам, заниматься заставляла... В общем, пропихнула в вуз с грехом пополам. И на радостях расслабилась, думала: все, дело сделано. А ее отчислили с первого же курса за неуспеваемость и профнепригодность. Конечно, мне надо было самой ее учебу контролировать... Но я ж не знала!..

– Да уж, вуз для абитуриента – это как замужество для девушки, – усмехнулся Чигринский, отставляя пустую чашку. – Кажется, что главное – сыграть свадьбу, а дальше уже все само собой пойдет. А на самом деле трудности в семейной жизни начинаются уже после ЗАГСа. Так и с учебой. Поступление – только начало пути... Неужто ты сама не помнишь, как училась?

– У меня-то все по-другому... Мне учеба в радость была. Помню, сколько раз ночью просыпалась и сама своему счастью не верила – неужели я в ГИТИСе учусь? – Ирина сделала паузу, допив остывший кофе. – Когда Алику выгнали, у меня прямо руки опустились, я вообще не знала, что делать. Попыталась пообщаться с ней, все обсудить, так кончилось все скандалом. Она такого мне наговорила, вспомнить страшно... С тех пор дочь совсем отдалилась от меня. А потом эта драка... Я даже не удивилась, когда с ней произошло... такое.

Ирина замолчала, ее собеседник тоже молчал. Было слышно, как снаружи стучат по стеклу тяжелые дождевые капли.

– Сочувствую, – наконец сказал Борис Владимирович, и Ирина не сомневалась, что он и правда всей душой сочувствует ей. – Но ты молодец, справилась... А дальше-то что?

– Не знаю. – Ира внезапно поняла, что действительно не знает, что дальше. Всю оставшуюся жизнь держать Алику под замком? Поступить ее в какой-то другой институт, водить туда за ручку и сдавать экзамены через конверты? Ну, хорошо, это на пять лет, а потом? Что Алика будет делать после того, как получит диплом? Ответов на эти вопросы у Ирины не было.

– Ну а сама-то ты как? – спросил Борис Владимирович. – Довольна своей жизнью? Ведь карьера все-таки состоялась?

Ирина отрицательно покачала головой:

– Довольна? Не сказала бы. Вот вы сейчас меня спросили, а я вдруг подумала: разве «сериальная обойма» – это то, к чему я стремилась? Меня даже творчество мое уже не радует, оно превратилось в ремесло. Я штамую роли, как автомат в общепите наливает кофе в стаканчики. Много я вообще не стала бы играть, будь моя воля, но мне платят, значит, приходится. Попала белка в колесо – пищи да беги.

Посреди ее монолога Чигринский невольно поморщился, и Ира тут же вспомнила, как он неоднократно повторял им, что слово «творчество» никогда не употребляется в первом лице. «Творчество бывает только у других. Есть творчество Пушкина, есть Врубеля, есть Феллини. А «моего» нет и быть не может. Говорить о себе, что он творец, гений и талант, позволено только самодовольным индюкам, компенсирующим недостаток культуры избыточным самомнением», – заявлял он.

Но сейчас Борис Владимирович заговорил, конечно, совсем не об этом.

– Знаешь, Ирочка, – сказал он, отставляя пустую чашку, – людей понять сложно, а нас, актер актерычей, еще сложнее. Мы привыкли играть, лицедействовать, жить чужой жизнью. Но когда я увидел тебя, я сразу почувствовал, что ты в отчаянии. – Ирина вскинула голову, но ее собеседник продолжил: – Не спорь со мной, прошу тебя. Тебе только кажется, что ты живешь, а на самом деле ты действительно как та белка в колесе. Но тебе и попищать-то не для кого.

На глаза Ирины невольно навернулись слезы. Чигринский наклонился к ней и ласково коснулся ее плеча:

– Тебе надо передохнуть, Ирочка. Сделать паузу. Съездить в какое-нибудь тихое место, побыть наедине с собой. И только потом двигаться дальше. Кстати, ты же у нас вроде бы из Атяшево?

– Какая же у вас все же поразительная память, Борис Владимирович! – невольно восхитилась Ирина.

Эта особенность Чигринского не была для Ирины новостью. О его почти феноменальной памяти в ГИТИСе ходили легенды. А курсе на третьем, когда кто-то из студентов спросил его об этом на занятии, выяснилось, что способность помнить все важное у их наставника – не дар свыше, а результат многолетних усилий. Еще в школе, готовясь поступать в театральный, он начал тренировать свою память, чтобы запоминать как можно больше ролей. С возрастом Борис Владимирович не оставил этой привычки и до сих пор помнил не только лица и имена всех своих учеников, но и основные вехи их биографии.

– А почему это вы вдруг вспомнили про Атяшево? – с интересом спросила Ирина.

– Потому что сам побывал в ваших краях, – серьезно отвечал Чигринский. – И должен тебе сказать, до сих пор нахожусь под впечатлением. Хотя прошло уже много лет.

– Это как же так? – невольно заинтересовалась Ирина.

– А вот так. Ты ведь, конечно же, знаешь Гунские курганы?

– Ну, разумеется. У нас их называют Атяшевские Бугры. Или просто Бугры, – кивнула Ира и усмехнулась. – Вроде как местная достопримечательность. Овеянная легендами, как выражаются в туристических справочниках.

Однако собеседник не поддержал ее ироничного настроения.

– Вот в тех-то удивительных местах я и побывал, – поделился Чигринский. – Знаешь, когда моей Лели не стало, у меня жизнь словно ножницами обрезало. Вообще ничего не хотелось – ни пить, ни есть, ни работать, ни даже с внуками видаться. Готов был лечь и лежать, пока не отправлюсь следом за ней. Спасибо, друзья не дали. Сережка Федотычев приехал как-то и говорит: «Вставай, собирайся и поехали. Отвезу тебя кое-куда». Я упирался, но он и слушать ничего не стал, чуть ли не силком меня вытащил. Привез к себе на родину, а он почти что твой земляк – из Алатыря. Переночевали мы у него, а утром встали пораньше и задолго до рассвета отправились к этим самым курганам. Я сначала не знал, что это за место, а он и не сказал мне ничего. Только потом, когда возвращались, уже объяснил, что к чему. Рассказал, что там... Впрочем, что я тебе-то это говорю, ты сама оттуда, сама все знаешь.

Ирина неопределенно пожала плечами. У нее имелось свое мнение на этот счет, но она не считала нужным сейчас его высказывать.

– И там... – Борис Владимирович замолчал ненадолго. – Даже не знаю, как тебе это объяснить... Там на меня точно озарение какое-то снизошло. Будто глаза открылись. Вроде место-то само – ничего необычного: холм посреди поля над речкой. А вот поднялся я на тот холм, огляделся вокруг – солнце встает, красота такая, хоть картину пиши! И чувствую – что-то поменялось во мне, тоска слетела, как корка со старой раны. Вдруг подумалось: а разве хотела бы Леля, чтобы я так убивался по ней? Легче ей от этого? Да наоборот! Она была бы только рада, если б я снова зажил полноценной жизнью, опять начал бы работать, заботиться о семье... Странно, но до курганов мне это даже в голову как-то не приходило...

– Когда тебе плохо, забываешь обо всем, – задумчиво проговорила Ирина.

– А когда тебе хорошо – тем более, – усмехнулся Чигринский. – Мы вообще стали какими-то удивительно нечуткими. И безэмоциональными. Пробудить в нас чувства могут только трагедия, катастрофа – и то не всегда. А когда все хорошо, мы просто не замечаем этого, не радуемся тому, что имеем.

– Нам просто некогда это заметить, – поддержала мысль Ирина.

– Так-то оно так, однако...

В сумочке у Ирины тренькнул телефон – напоминание, что пора возвращаться к работе. Ира смутилась:

– Извините, что прерываю на полуслове, но...

– Да что ты, конечно! Мне и самому давно пора идти. – Борис Владимирович поднял руку, подзывая официантку. – Счастливо тебе, Иришка. Держись. И все-таки подумай над моими словами, хорошо?

Ира машинально кивнула и поспешила к двери, на ходу нащупывая в сумочке сигареты.

* * *

Освободилась Ирина неожиданно рано, еще не было и десяти. Зимой в это время уже давно тьма кромешная, но сейчас, в конце июня, в период самых длинных дней, было еще светло, и Ира тут же потянулась за планшетом, чтобы посмотреть в ежедневнике, не успеет ли она сегодня сделать что-нибудь из длинного списка дел. Нет, пожалуй, ничего не получится. Но в конце концов это тоже неплохо. В кои-то веки она вернется домой еще до полуночи и, быть может, даже сумеет лечь спать пораньше и выспаться перед завтрашним самолетом.

Что такое спать вдоволь, столько, сколько хочется, Ирина уже не помнила. Как и не помнила, когда последний раз у нее выдавался свободный день или вечер. Впрочем, были в этом и положительные стороны. Свобода для жителя мегаполиса – понятие очень странное. Иногда она пугает больше, чем любая неволя. Жители крупных городов привыкли быть

скованными изо дня в день своим расписанием, а у кого его нет – просто своими ежедневными делами и даже увлечениями. При этом каждый третий считает, что он свободен, но, сталкиваясь с настоящей свободой, пасует, теряется и искренне не знает, куда девать время.

Час пик уже закончился, и дороги были относительно пусты – конечно, настолько, насколько это вообще возможно в Москве. Остановив в последнюю секунду у светофора свой серебристый «БМВ», Ирина вдруг вспомнила слова своего педагога: «Тебе надо передохнуть, съездить в тихое место». Эх, Борис Владимирович, вашими бы устами да мед пить... Если бы она могла вот так бросить все и уехать... Тогда бы обязательно махнула не куда-нибудь в Европу и не на пляжи под пальмами, а в родное Атяшево. Сколько лет она уже не была дома? Рассказ Бориса Владимировича пробудил в Ирине целый сонм воспоминаний. Она прекрасно помнила те Бугры, о которых он говорил, знала их с детства, с тех пор как их с сестрой туда водила мама, Татьяна Сергеевна. Мама собирала там травы для отваров и целебных настоек, а они с Олей играли в прятки в высокой некошенной траве и среди кустарников, бегали за бабочками, рвали цветы и сплетали венки. Тогда они с сестрой были еще слишком малы и знать не знали, что Атяшевские Бугры – это особенное место...

Как разительно та жизнь отличалась от этой! Была в ней какая-то благодать, тихое счастье – несмотря даже на скромный и весьма непростой деревенский быт. А еще было ощущение воли, безграничной свободы. Ирина вдруг подумала, что сейчас никак не могла бы назвать себя свободным человеком. Ее нынешний образ жизни был цепью, собственноручно скованной ею самой для себя...

От странных мыслей отвлек раздавшийся сзади звук клаксона. Оказывается, загорелся зеленый, а она и не заметила. Ирина поспешила нажать на газ.

– Ты что, коза драния, заснула там? – выкрикнул водитель из обгоняющего ее джипа, но увидел, кто за рулем, мигом узнал и осекся. – Блин, простите! Тяжелый...

Что «тяжелый», Ирина уже не услышала, поскольку джип улетел вперед, но догадаться, что имелся в виду тяжелый день, было несложно. Вот только непонятно чей – его или ее? Впрочем, что тут гадать? И его, и ее. И всех тех двенадцати миллионов человек, с которыми они вынужденно делят этот город, как перенаселенную коммунальную квартиру.

Ирина свернула в переулок, оттуда во двор, подождала, пока откроется шлагбаум, кивнула дежурному охраннику, въехала в подземный гараж, припарковалась на своем привычном месте и вышла из машины. Привычные действия, повторяемые изо дня в день. Так же привычно она поднялась на лифте к себе, в двухэтажные апартаменты с видом на Москву-реку. Открыла дверь и тихо вошла в прихожую. Сразу бросилась в глаза чья-то безвкусная красная куртка, небрежно брошенная на пуфик, и валяющиеся под вешалкой полусапожки на огромных каблуках, тоже красные, но совершенно не подходящие по тону к куртке. Интересно, у кого это хватает ума ходить в сапожках в июне, пусть даже и в дождливый день? Может, к Алике, нарушив все запреты, зашла какая-то из подружек – втихаря навестить арестантку?

Дверь в гостиную была приоткрыта. Ирина заглянула туда и увидела, что на диване лежит совершенно голая блондинистая девка, а перед ней, торопливо то ли расстегивая, то ли застегивая штаны, стоит Игорь. Хмыкнув, Ира вошла в гостиную и села в кресло.

– Добрый вечер, – сказала она спокойно. Ирина сама изумилась – не было ни малейших признаков истерики, ничего, даже отдаленно ее напоминающего. Девушка испуганно вскоčila, на ходу подхватила красную мини-юбку и попыталась ею прикрыться. Получилось неважно. – Это одна из твоих «вечно восходящих звезд», да, Игорь?

Увидев жену, Игорь так и замер ни жив ни мертв. Девушка сгребла с пола остальные шмотки и бочком выскользнула в коридор. Ира машинально отметила, что выглядит та довольно вульгарно: слишком яркий макияж, одежда пусть и брендовая, но чересчур кричащая, у крашенных волос уже видны отросшие корни.

– Простите, что помешала процессу зажигания новых звезд, – ерничала Ирина.

– Сейчас я тебе все объясню... – пробормотал Игорь. – Это совсем не то, что ты подумала...

– Конечно, кому я верю – любимому мужу или своим бесстыжим глазам? – Вот тут Ирина уже разозлилась. И вывел ее из себя не сам факт измены, а слова Игоря. Если бы он повел себя как мужчина, если бы не произнес этих отвратительных в своей пошлости слов, от которых уже отказались даже в третьесортных комедиях, все еще могло быть иначе. Но теперь? Ну уж нет!

– Пошел вон, – с отвращением проговорила она и услышала, как хлопнула входная дверь. Судя по всему, дальнейшее развитие событий звездульку не интересовало.

– Что? – Игорь стоял вполоборота, не застегнув еще рубаху на тощей груди. Его кадык вздрагивал, казалось, что Игорь вот-вот расплачется. Но Ирина не испытывала ни тени сочувствия, только омерзение. – Ирочка, я...

– Пошел вон, – повторила Ирина безапелляционным тоном. – И отдай мне ключи.

Не дожидаясь, пока Игорь закончит одеваться, она сама отыскала его ключи от квартиры и демонстративно убрала их в свою сумочку. Игорь хотел что-то сказать, но Ирина развернулась и вышла из комнаты. Она направилась в кухню, открыла холодильник, достала кувшин с овощным соком, который всегда оставляла для нее домработница, и налила полный стакан, прислушиваясь к тому, что происходит в коридоре. Там некоторое время слышалась возня, потом снова хлопнула входная дверь, и стало тихо.

Взяв с полки сигареты, Ирина закурила, с удовольствием затянулась и сделала пару глотков сока.

– В гостиной. Хоть бы дверь закрыли. А если бы ребенок увидел? – Ирина говорила вслух, сама не замечая этого. – Кстати, а где Алика?

Она позвала дочь раз, потом другой погромче. Никто не отзывался. Ирина поднялась на второй этаж, заглянула в комнату Алики – пусто. В ванной шумела вода. Ира подошла к двери и ахнула: из-под порога – поток.

– Алика! – позвала Ирина уже с тревогой. – У тебя там все в порядке?

Ответа снова не было, и это уже напугало не на шутку. Ирина с силой дернула дверь, но та не поддавалась, была закрыта изнутри. Пока Ирина дрожащими руками искала на связке ключ от ванной, она почувствовала в воздухе характерный запах. Этот запах был Ирине хорошо известен, ведь ей приходилось вращаться в среде бомонда. Запах запасных ходов, туалетов и пожарных лестниц ночных клубов. Запах вседозволенности. Запах марихуаны. Вот черт, только этого не хватало!..

В конце концов нужный ключ нашелся, и Ирина ворвалась в ванную. Алика, в коротком халатике, поджав босые ноги и прижавшись спиной к стене, сидела на мокром полу. Вода вытекала из переполненной через край ванны, но Алика этого даже не замечала. Глаза ее были открыты, зрачки расширены настолько, что их привычно серый цвет превратился в черный. Рядом с дочерью на банкетке Ирина заметила пепельницу с несколькими папиросными гильзами.

– Алика!.. – Ирина бросилась к дочери. – Ты...

– Уйдите! Прочь! Не трогайте меня! – закричала вдруг Алика слабым голосом, пытаясь отогнать нескоординированными движениями рук что-то, видимое только ей одной.

Ирина быстро перекрыла воду и снова вернулась к дочери. Было по-настоящему страшно. Мало ей с Аликой уже перепало проблем, теперь еще и наркотики...

– Не бойся, доченька, это я, я!

Алика уставилась на Ирину совершенно пустым взглядом:

– Мама? Мамочка, убери их, пожалуйста!.. – всхлипнула она и обняла Ирину худенькими руками. – Мне страшно...

– Кого убрать? – Ирина кое-как подняла дочь на ноги. – Не бойся, никто тебя не тронет... Господи, да что же это такое в самом деле!.. – бормотала она, прижимая дочь к себе.

Через некоторое время Алика успокоилась и, доверчиво повиснув на плече матери, позволила, чтобы ее увели в комнату. Ирина стащила с дочери халат, натянула вместо него первую попавшуюся под руку сухую одежду, уложила Алику в постель, укрыла одеялом и позвонила Галине Марковне, их семейному врачу. Галину Марковну Ира знала давно, ей можно было доверить любую тайну, не опасаясь, что она станет достоянием желтой прессы.

Ирина очень боялась, что дочь придется везти в больницу, но, к счастью, обошлось. Вскоре Галина Марковна вышла из комнаты Алики и подошла к Ирине, которая нервно курила у открытого окна, не обращая внимания на капли мороси, приносимые шальным ветром.

– Она спит. С ней все в порядке. – Благообразная пожилая женщина говорила тихо, но голос у нее был озабоченный. – Считайте, что вам повезло, Ирина Николаевна. Хотя, конечно, это очень сомнительное везение.

– Что с ней такое было? – встревоженно поинтересовалась Ирина. – Я сама никогда не пробовала траву, но много раз видела, как ее курят другие... Ни у кого не было ни паники, ни галлюцинаций! Разве что на «хи-хи» пробивало, да аппетит напал зверский...

– Дело в том, что она смешала наркотики и получила передозировку, – без особой охоты объяснила врач. – Сначала выкурила косяк, ей показалось, что не подействовало, и она попробовала амфетамин, потом добавила еще один косяк, за ним еще и третий... – Галина Марковна поправила очки на переносице. – Хорошо, что это только марихуана, да и на нее девочка еще не подсела толком.

– Ужас какой-то! – Для Ирины все это звучало просто чудовищно. Только дочери-наркоманки ей и доставало для полного счастья!

Галина Марковна вздохнула:

– Ужас-то ужас, но этот ужас, к сожалению, в среде золотой молодежи стал чем-то обычным. Плюс подорванный иммунитет, который у москвичей, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Плюс нездоровый образ жизни.

– Но я стараюсь, чтобы у нее всегда было полноценное питание, фрукты, витамины. Она и на фитнес ходила. – Тут Ирина смутилась, поскольку фитнес Алика давным-давно забросила. – И танцует. И на курорты она регулярно ездит...

– Курорты... – Галина Марковна вздохнула. – В наше время эти курорты только чуть менее вредны, чем города, и то в основном за счет морского или горного воздуха. Ну а про танцы – в ночных клубах, небось? – можно и не говорить.

– И что же мне с ней делать? – растерянно спросила Ирина.

– Пока пусть поспит, а потом... я бы на вашем месте отправила ее куда-нибудь подальше от Москвы, от приятелей и ее круга общения.

– Она и так ни с кем не общается, сидит под домашним арестом, – вздохнула Ирина. – И откуда наркоту-то взяла?

Галина Марковна только усмехнулась:

– Долго ли умеючи? Вы ведь не следите за ней целый день. И к сожалению, домашний арест – не выход. У нее от скуки только сильнее будет желание употребить. Да и все равно всю жизнь под замком не продержишь...

Ирина машинально кивнула. Подобные мысли неоднократно приходили и к ней самой, вот буквально только сегодня...

– На вашем месте я бы отправила ее куда-нибудь в глубинку. К нетронутой природе, куда-нибудь, где поменьше цивилизации. – Галина Марковна вновь поправила очки. – Там все в комплексе: свежий воздух, экологически чистая пища, здоровые отношения между людьми, отсутствие соблазнов...

После этих слов Ирина снова вспомнила про родное Атяшево, о котором говорила сегодня с Чигринским. Ведь там все именно так – и природа, и пища, и люди всегда приветливые, доброжелательные, в любой ситуации остающиеся людьми. Она точно опять увидела перед собой глаза Бориса Владимировича, когда он говорил с ней о Буграх – в них было удивительное умиротворение, как у человека, обретшего смысл жизни.

Проводив Галину Марковну, Ирина заглянула к спящей дочке, поправила сползшее с острых плеч одеяло. При взгляде на Алику сердце так и сжималось от боли. Какая она худенькая, все косточки можно пересчитать... И во сне выглядит такой маленькой, такой трогательной, совсем еще ребенком... Как же она, Ирина, виновата перед ней, сколько ошибок совершила, чуть было не случилось непоправимое... Но теперь она твердо знает, что делать. Решение принято, и ничто ее больше не остановит.

Глава 2

Поезд идет на восток

Кое-как очухавшись от наркотиков, Алика стала ждать мощнейшего разноса от матери. Но, к ее величайшему удивлению, ничего подобного не произошло. Даже наоборот. Утром Ирина заглянула к ней в комнату и ласково поинтересовалась: «Как ты, девочка моя? Как себя чувствуешь?»

В другое время Алика скорее всего позлорадствовала бы. Надо же, какие дела творятся – их звездное величество в кои-то веки вспомнило о ее существовании и изволило сыграть роль заботливой мамы! Но ей было еще настолько хреново, что на иронию просто не хватило сил, и Алика лишь невнятно буркнула в ответ:

– Нормально...

Мать стояла напротив кровати и смотрела на Алику с таким выражением лица, словно видела ее первый раз в жизни.

– Ну как же ты так, деточка? – укоризненно произнесла она после паузы.

Собственно, нормального ответа на подобный вопрос в природе вообще не существует. Но что-то сказать было все-таки надо, так что Алика пробормотала первое, что пришло в голову:

– Мам, понимаешь... Мне было так скучно...

Ляпнула – и тут же осеклась. Зачем она так сказала, кто за язык тянул? Сейчас начнется очередной спектакль с аханьем, восклицаниями, чтением морали и возмущенными монологами о ее, Алики, избалованности, распущенности, бездельничанье и никчемности...

Однако она снова просчиталась. В этот раз мать не стала устраивать перформанс, а только как-то непонятно улыбнулась и сказала:

– Ну, ничего. Скоро мы с тобой поедem кое-куда, и там тебе уж точно скучно не будет.

Алика с интересом взглянула на нее. Неужели они и правда куда-то поедут? Неужели настал конец этому жуткому домашнему аресту?

– А куда? – с любопытством спросила она, сама не заметив, как по-детски прозвучал вопрос.

– Скоро узнаешь, – с загадочным видом ответила мама.

Алика поморщилась: ну что у маман за манера разговаривать с ней, как с маленькой? Такое чувство, что лет десять-пятнадцать ее жизни вообще прошли мимо матери, и она до сих пор считает свою дочь несмышленым пупсом.

– Ты возьмешь меня-а с собой на-а съемки в Сочи? – предположила Алика, заговорив в своей обычной манере, растягивая гласные – ей казалось, что это очень стильно.

Мать в ответ покачала головой:

– Нет. Я отказалась от этой роли. И сегодня никуда не лечу.

Однако больше ничего узнать не удалось. Сколько бы дочь ни расспрашивала, Ирина так ничего ей и не рассказала.

Позже, пораскинув немного мозгами, Алика пришла к выводу, что, судя по всему, удача снова повернулась к ней лицом. Похоже, увидев вчера, как колбасит ее дочь, мать не на шутку испугалась, бросилась консультироваться с врачами и какими-нибудь психологами, а те напели ей все то, что обычно говорят в подобных случаях: о трудном возрасте, недостатке родительского внимания и всем остальном в том же духе. Вот Ирина и кинулась спешно исправлять положение и пытаться вновь склеить уже давно разрушенные семейные отношения. «Ну-ну! – усмехнулась про себя Алика. – Пусть старается, а мы поглядим». В любом случае ей самой такой поворот событий был только на руку.

Еще больше Алика уверилась в своей правоте, когда подслушала разговор матери и отчима. Тот, насколько она могла судить, не ночевал дома, а утром приперся с виноватым видом и всячески искал примирения.

– Ирочка, ну нельзя же так! – Игорь говорил быстро, необычно высоким голосом. – Ну, сама подумай, кто лучше меня будет представлять твои интересы? У меня все на мази, все входы, выходы и контакты...

– Твои контакты я вчера в гостиной видела, – тихо, но твердо отвечала Ирина. – Хочешь продюсировать своих звездук – продюсируй сколько влезет, но ни моим мужем, ни моим агентом ты больше не будешь. И больше ни копейки от меня не получишь. Надеюсь, я ясно выразилась?

После того как за Игорем захлопнулась дверь, Алика тут же созвонилась с подружкой Викой и всласть позлорадствовала над злоключениями отчима, которого терпеть не могла. Игоря Алика невзлюбила сразу, с первого знакомства. Мгновенно поняла, что этот скользкий лживый тип только притворяется, будто души в матери не чаёт и готов на руках ее носить и пылинки сдувать, – а на самом деле до смерти рад возможности прилепиться к ней и паразитировать на ее славе. Впрочем, это не помешало Алике некоторое время всерьез обдумывать, не затащить ли его в постель. Когда мать узнала бы об этом – а уж Алика постаралась бы, чтобы она узнала! – вышел бы нехилый скандал. Вот бы мать побесилась! Да уж, клевая была идея, что и говорить. И все-таки Алика в последний момент от нее отказалась. Конечно, совсем не потому, что испугалась неудачи. У нее бы получилось, в этом она не сомневалась ни минуты, Игорек был из тех, кто готов залезть на все, что шевелится. Дело было в другом – в последний момент Алика пожалела мать, хотя та этого и не заслуживала. Сама-то она не жалела дочку, более того, похоже, вообще не особо и помнила о ее существовании. Ну конечно, до того ли ей, она ведь актриса, звезда экрана, медийная личность! Какое ей дело до таких мелочей, как собственный ребенок...

Алика хорошо помнила, что не всегда относилась к матери подобным образом. В детстве все было по-другому, она обожала маму и очень гордилась ею, хотя видела год от года все реже и реже. Алика ходила в детский сад, где постоянно хвасталась тем, что ее мама – артистка, которую показывают по телевизору, но мама почти что никогда не забирала ее из сада, это делали либо папа, либо бабушка, либо няня. Выходные и праздники Алика тоже проводила с кем угодно, кроме матери: та вечно была то на репетиции, то на спектакле, то на съемках, то на гастролях. Когда Алике минуло шесть лет, родители развелись, и отец словно бы вычеркнул из своей жизни бывшую жену, а вместе с ней и дочь. С тех пор Алика его не видела, разве что иногда, раз в несколько лет, находила в Интернете – просто так, из любопытства. После развода мама тоже не стала появляться дома чаще, возвращалась, когда дочь уже спала, а утром либо уезжала еще до того, как она проснется, либо напротив – отсыпалась и вставала позже ее ухода. Алика так и росла под присмотром нянь, гувернанток, водителей и домработниц. Ее возили на новенькой иномарке в престижную школу, на занятия английским и хореографией, ее комната была чуть не до потолка забита игрушками, шкафы ломились от брендовой одежды и обуви, марка мобильного телефона менялась каждые полгода, если не чаще. А пятиклашка Алика отчаянно, до слез завидовала подружке, которая носила черт знает что и вообще не имела сотового, но постоянно рассказывала, как они с мамой, или папой, или с ними обоими ходили в зоопарк, гуляли в Сокольниках или ездили за город. У Алики в семье никогда такого не бывало. Если они и выезжали куда-то вместе с мамой, то почти исключительно либо на шопинг, либо на тусовки, где Ирина так и эдак позировала перед камерами, обнимая хорошенькую разодетую дочурку, а лишь только съемки заканчивались, убегала по своим делам, бросив дочь на очередных чужих людей. Алика завидовала другим детям даже тогда, когда те обижались на родителей или бывали наказаны. Если б у мамы хоть раз нашлось время отругать ее за двойку, она была бы счастлива...

Потом Алика немного подросла, и восхищение мамой сошло на нет, а на его место пришла острая неприязнь. Вдруг все в матери стало раздражать – походка, жестикуляция, голос, интонации, слова, которые она произносила. Все казалось показным, неискренним, не оставляя сомнений в том, что и в жизни, вне съемок и сцены, мать по привычке продолжает играть роли и никогда не бывает естественной. Это злило до невозможности, и Алика придумала себе развлечение: стала выводить мать из себя. Она выкидывала один фортель за другим, Ирина бесилась, орала на нее, а Алика была довольна – хотя бы так обратить на себя мамино внимание.

В старших классах Алика окончательно забила на учебу. Зачем тратить время на подобную фигню, когда в жизни есть масса куда более интересных вещей: шопинг, поездки, рестораны, ночные клубы, тусовки, парни?

– В конце концов, это моя-а жизнь! Человек рожден, чтобы быть сча-астливым, – говорила она подружке Вике – уже не той, из детства, а другой, из новой жизни. – Вот моя-а мать несча-астна-а, а-а почему? Да потому, что не умеет отрыва-аться как следует. Она да-аже на крутых тусовках ра-аботает, как будто на-а сцене, а не отдыха-ает. У-ужас, пра-авда?

И Вика соглашалась – конечно, у-ужас.

Время шло, Алика уже окончила школу, но по инерции продолжала вести себя в том же стиле, который про себя называла «чем хуже – тем лучше». Ей нравилось ощущение свободы, безнаказанности и уверенности в том, что она может делать все, что угодно: мать все равно решит все проблемы. «Если бы я была пай-девочкой, она вообще забыла бы о моем существовании!» – говорила она, убеждая в этом не столько других, сколько себя саму. Правда, с недавнего времени Алика уже и сама поняла, что стала перебарщивать. Сначала та драка в клубе, ментовка и суд... Самым обидным было, что Люк – парень, из-за которого и вышел весь сыр-бор и на которого Алика имела далеко идущие виды, сразу ее бросил. Мол, ни ему, ни его родителям проблемы не нужны. Алику это тогда взбесило ну просто ужас как. Можно подумать, его предки круче ее мамы! Не, они, конечно, богатые, отец – какая-то шишка в нефтяном бизнесе, но все равно, по сравнению со знаменитой Ириной Невельской они никто, и звать их – никак!

А теперь вот еще и вчерашний передоз... Наверное, надо и впрямь быть поосторожнее с наркотой, а то так и копыта откинуть недолго. Но, как говорится, нет худа без добра. Теперь мать испугалась за нее и решила уделить дочке свое драгоценное внимание. Вот отдыхать везет, более того, даже отказалась ради нее от роли в хорошем сериале.

И Алика стала готовиться к поездке. Домашний арест все еще продолжался, устроить себе нормальный шопинг было нельзя, и Алика утешала себя тем, что выбирала и заказывала все необходимое по Интернету. Летние наряды и обувь из новых коллекций, купальники, солнечные очки, косметику, средства для кожи... К тому моменту, как мать позвонила сообщить, что взяла билеты, у Алики уже было битком набито два огромных чемодана, а прибыло далеко еще не все заказанное.

Выехали они вечером, когда час пик уже должен был закончиться, но все равно попали в пробку. Сидя на заднем сиденье, Алика всю предавалась мечтам под тихую расслабляющую музыку, лившуюся из динамиков автомобиля. Ей виделось теплое море, экзотические фрукты, разноцветные коктейли с зонтиками, ночные дискотеки на пляже, красивые загорелые парни... Алика и сама не заметила, как задремала, а мечты превратились в сновидения. Проснувшись она от того, что машина остановилась. «Приехали», – решила девушка, открыла глаза, но вместо стоянки аэропорта увидела в окно Комсомольскую площадь.

Не успела Алика толком удивиться, как мама уже обернулась к ней.

– Подъем! – преувеличенно весело скомандовала она. – Поезд ждать не будет.

– Поезд? – недоуменно переспросила Алика. – Ка-а-акой еще поезд?

– Фирменный, «Мордовия», до Саранска. Отходит через полчаса с Казанского вокзала, – с той же интонацией отвечала Ирина.

– Ма-ам, ты прика-алываешься? – подозрительно осведомилась дочь. – При чем тут Мордовия?

– При том, что мы едем на все лето к бабушке, – невозмутимо прозвучало в ответ. – В мое родное Атяшево.

– То есть как к бабушке? В деревню? – Алика все еще отказывалась верить своим ушам.

– Именно туда, – кивнула Ирина.

Только тут Алика поняла, что мать не шутит, и пришла в ужас. Они едут не на курорт и не на шопинг в Европу или Штаты, а в тмутаракань, где живут мамины родные! Алика была в Атяшево всего однажды, много лет назад, совсем малышкой, и мало что помнила, но твердо была уверена, что это глухая провинция, богом забытое место и край земли, до которого не доходят даже отголоски цивилизации. Так вот что мать задумала! У нее и в мыслях не было налаживать отношения с дочерью, она решила увезти ее подальше от соблазнов и запретить в деревенской избе без электричества, водопровода и с удобствами на улице. В памяти всплыло слово «ссылка», и оно не имело ничего общего с Интернетом.

– Ты что, сдурела? Я туда не поеду! – решительно заявила Алика. Но мать, судя по всему, была готова к подобной ее реакции.

– Поедешь как миленькая, – тут же спокойно парировала она.

– И не подумаю! – уперлась Алика. – Что я там забыла?

Ирина, просто проигнорировав ее слова, обратилась к водителю:

– Сергей, помогите, пожалуйста, с вещами.

Тот вышел, всем своим видом показывая, что вообще не замечает их перепалки, и направился к багажнику. Алика фыркнула:

– Можешь прихватить с собой и мои чемоданы. Это не поможет. Я лучше буду и дальше сидеть в квартире под замком, чем поеду с тобой в деревню!

– Интересно, а как ты себе это представляешь? – в свою очередь усмехнулась Ирина. – Ключей от квартиры я тебе не оставлю, денег на карточку класть не буду. На что ты собираешься хотя бы питаться?

– Друзья помогут. Мир не без добрых людей, – не сдавалась Алика.

– Нет уж, дорогая, – мать продолжала говорить спокойно, не повышая голоса, но в нем вдруг появилась какая-то металлическая твердость, как в давешнем разговоре с Игорем. – Одну я тебя не оставлю. Или ты поедешь со мной в Атяшево, или мы с Галиной Марковной положим тебя в больницу – лечиться от наркотиков. И не в элитную клинику для детишек обеспеченных родителей, а в обычную районную психушку с решетками на окнах, грубыми санитарями, тараканами в палатах и вареной капустой на завтрак, обед и ужин.

– Но... – начала было Алика и запнулась на полуслове. Она встретила суровый взгляд матери в зеркале заднего вида и окончательно убедилась в том, что та абсолютно серьезна. Разве что, может быть, слегка сгущает краски, чтобы напугать ее. Но в целом настроена решительно, и психушка – это не пустая угроза, а вполне себе вероятная перспектива, которой Алике не хотелось гораздо сильнее, чем жизни в деревне. О том, что творится в психушках и каково там пациентам, она имела представление – и в кино видела, и в Интернете читала, и от знакомых слышала, которым довелось побывать в подобных местах. Да уж, такого крутого поворота событий Алика никак не ожидала. Придется выбирать из двух зол наименьшее...

Ирина тем временем вышла из машины и направилась к зданию вокзала. И Алике ничего не оставалось, как, понунив голову и мысленно проклиная свою несчастную судьбу, последовать за ней.

Поднимаясь на перрон, Алика уже готовилась к самому худшему, типа поездки в душном и битком набитом плацкарте. Но поезд ее приятно удивил: вагоны и снаружи, и внутри выглядели вполне современно, купе на двоих оказалось чистым и комфортным, в нем имелся даже плоский телевизор с DVD-плеером. Правда, смотреть кино Алике не хотелось, да и вообще ничего не хотелось. Она сбросила туфли, забралась с ногами на удобный мягкий диван, заткнула уши наушниками плеера и отвернулась к окну.

Ирина тем временем общалась с краснолицым седоусым проводником, который оказался поклонником ее таланта. Он сразу ее узнал и все никак не мог опомниться от радости, что в его вагоне едет звезда экрана. По его просьбе Ирина расписалась для него на журнале под своей собственной фотографией. Вскоре слух о ней пронесся по всему поезду, к их купе началось едва ли не паломничество проводников и пассажиров. Алику это раздражало, она недовольно морщилась, и Ирина, заметив реакцию дочери, вышла проводить автограф-сессию в коридор и пробыла там довольно долго. Поезд уже успел тронуться, выехать за МКАД и теперь шустро мчался по Подмосковию, а Алика с тоской смотрела на поселки и лесозащитные полосы. Неужели ей придется провести лето среди подобных пейзажей?

Наконец Ирина вернулась, подошла к дочери и помахала рукой у нее перед лицом. Алика нехотя вынула наушники и вопросительно взглянула на мать:

– Чего тебе?

– Есть хочешь? Может, сходим в вагон-ресторан? – предложила Ирина.

Алика хотела было отказаться, но потом решила, что это лишнее. Конечно, она очень зла на мать – но это все же не повод морить себя голодом.

Народу в вагоне-ресторане оказалось на удивление немного. Мать и дочь выбрали столик, уселись, Ирина обратилась к Алике:

– Что ты будешь?

Та пожала плечами: она впервые была в вагоне-ресторане и понятия не имела, чем и как там кормят.

– Все равно. На твой вкус.

– Тогда, пожалуйста, два овощных салата, два шницеля с гарниром и два кофе, – заказала Ирина. – Один эспрессо, один ирландский.

– Я тоже буду ирландский, – вырвалось у Алики. Тут же пришла мысль, что, пожалуй, не стоило этого говорить, но отступать было уже некуда. – Надеюсь, здесь нормальный виски, не какая-нибудь бурда?

– Это еще что за новости? – возмутилась Ирина. – Уж не думаешь ли ты, что сможешь пьянствовать у меня на глазах? Достаточно и того, что ты *уже* натворила!..

– Знаешь, мама, – Алика не выдержала и полезла в бутылку, – прекрати мной командовать! Мне не десять лет! Я совершеннолетняя, мне девятнадцать, я такой же взрослый человек, как ты!

– Ты станешь взрослой, когда начнешь сама деньги зарабатывать! – Ирина повысила голос, даже не думая о том, что их могут услышать. Этот проклятый ирландский кофе стал последней каплей, переполнившей ее чашу терпения. – А пока ты сидишь у меня на шее, изволь меня слушаться! Выросла дармоедкой, бездельницей и эгоисткой, так хоть...

Однако у Алики в ответ на ее упреки аргументы уже давно были готовы, просто ждали своего часа. И дождались.

– А кто в этом виноват? – перебила она. – Никто, кроме тебя самой! Ты что, воспитывала меня какой-то другой? Да ты меня вообще никак не воспитывала! Ты только сейчас, когда я чуть коньки не отбросила, вспомнила, что у тебя, оказывается, есть дочь и ее надо воспитывать! Только поздно уже, милая мамочка! Раньше надо было об этом думать!

Ирина вздрогнула, словно дочь ударила ее. Но Алике этого было недостаточно, она решила вбить еще несколько гвоздей в крышку гроба.

– Знаешь, какой из твоих сериалов я ненавижу больше всего? – заявила она. – Я их все терпеть не могу, хотя и пересмотрела все до единого, от начала до конца. Но больше всего ненавижу «Матушку». Помнишь, тот, где ты играешь попадью и у тебя одиннадцать детей: пять штук своих и шесть приемных. И ты их всех одинаково любишь и обо всех заботишься... Не-на-ви-жу! Уж больно картинка от реальности отличается. Впрочем, у вас, актеров, всегда так...

Ирина молчала, точно оцепенев от ее слов, а Алика продолжала:

– Да, мамочка, ты была так занята, что не заметила, что я выросла. Сама выросла, как трава под забором. И если я что-то делаю не так – откуда я могу знать, как правильно? Кто меня этому мог научить? Гувернантки? Учителя в лицее, куда ты меня сдавала, как в камеру хранения? Аниматоры в отелях, где я отдыхала с кем угодно, только не с тобой? А ты меня еще смеешь куском хлеба попрекать! Да пропади ты пропадом!

С этими словами Алика сорвалась с места и выбежала из вагона-ресторана. Вопреки ее ожиданиям мать не бросилась за ней, хотя Алика надеялась на это до тех пор, пока не дошла до своего вагона.

Наплевав на все запреты, Алика покурила в тамбуре, потом вернулась в купе. Мать так и не появилась, но на столике обнаружился ланчбокс с ужином. Хмыкнув, Алика поужинала холодным, но вполне съедобным и даже довольно вкусным шницелем, рассеянно листая новый «Космополитен», однако сегодня ее совсем не интересовали ни новый имидж известной топ-модели, ни свадьба очередных голливудских звезд, ни даже фото летних коллекций. Алика слишком устала за сегодняшний день от обилия впечатлений и потрясений. И когда мать все-таки дошла до купе, она уже спала, не расстелив постель и даже не выпустив журнала из рук.

Все это время Ирина просидела в вагоне-ресторане. Едва Алика ушла, за их столик тут же подседа молодящаяся приземистая дама в длинных серьгах со множеством подвесок, которые звенели при каждом движении, как коровий колокольчик. И началось обычное: «Ох, ах, вы же Невельская, я вас сразу узнала, а мне так понравилось, вы там еще попадью играли...» Ирина, которой все равно было некуда деваться – не уходить же, не закончив ужин! – продолжала есть, терпеливо улыбалась профессиональной улыбкой и гадала про себя, что будет дальше. Иногда подобные восторженные зрители, считающие своим долгом обязательно поговорить со случайно встретившейся актрисой, после приветствия отклонялись и оставляли ее в покое. Но такое происходило нечасто, обычно разговор затягивался, и тогда собеседники либо накидывались на нее с расспросами о коллегах, мучимые жаждой узнать все сплетни из первых уст, либо погружались в пространные рассказы о собственной персоне. Дама с колокольчиками в ушах явно относилась ко второй категории. Когда она завела нескончаемый монолог о своем здоровье и полной некомпетентности всех врачей, с которыми ей приходилось иметь дело, Ирина позволила себе отвлечься. Она сохраняла на лице дежурную улыбку и вежливо делала вид, что заинтересованно слушает, но мысли ее были далеко – до тех пор, пока за столиком не прозвучало вдруг слово «Атяшево».

– ...теперь тоже хочу посетить эти чудодейственные курганы в Атяшево, – продолжала дама. – Говорят, это удивительное место. Знаете ли, по легенде...

Ирина поморщилась. Уж кто-кто, а она знала атяшевские легенды никак не хуже своей собеседницы, потому что слышала их с раннего детства, но менее всего хотела обсуждать их здесь и сейчас.

Решившись разом прекратить ненужный разговор, Ирина отложила вилку и повернулась было к собеседнице, но в эту минуту из объемистой сумки дамы зазвучало «К Элизе» Бетховена.

– Ой, это мой будильник, пора принимать таблетки! – сообщила дама и, выразив сожаление, что приходится уходить, прервав такой интересный разговор, наконец, удалилась. Ирина вздохнула с облегчением.

Вагон-ресторан опустел. Ира пила остывший кофе, курила с милостивого разрешения пожилой директорши, которая тоже узнала ее, и думала о том, что сказала дочь. И хотя внутри все бунтовало (какой женщине захочется признаться даже самой себе, что она – плохая мать?), но разумом Ирина осознавала, что Алика во многом права. Она сама виновата в том, как сложились, точнее, **не** сложились их отношения с дочерью. Да и во всем остальном, чем она недовольна в собственной жизни, ей тоже некого винить, кроме самой себя...

Мысли эти были очень тяжелы и болезненны. Ирина понимала, что одной только просьбой отнести дочке ужин, которую охотно согласился исполнить проводник их вагона, их отношения с Аликой теперь не наладить. Если их вообще можно наладить... Да уж, если бы они остались в Москве и Ирина продолжала бы работать, на этой затее точно можно было бы поставить жирный крест. Но они едут вместе в Атяшево, к маме и сестре... И, кто знает, может быть, там, в совершенно иной обстановке, все будет по-другому?

Глядя на сгустившиеся за окном поздние июньские сумерки, Ирина думала о родном Атяшево, о доме, о живущих в нем близких людях. Страшно сказать, сколько уж времени они не встречались с мамой... Тринадцать лет! Ну да, последний раз она видела маму сразу после развода с Артуром, когда отвозила к ним на лето маленькую Алику. С тех пор она в Атяшево не ездила. Все эти годы Ирина была так занята, что не то что навестить родных, даже написать или позвонить – и то бывало некогда. Как-то они теперь их встретят? По телефону мама, конечно, сказала, что ждет их, что они могут приехать в любое время и им будут рады, но Ирина слишком хорошо ее знала, чтобы не сомневаться – не все окажется так просто...

Мама Ирины, Татьяна Сергеевна, была (да наверняка и оставалась по сей день) весьма заметной фигурой в Атяшево. В городке имелись и другие акушеры-гинекологи, но как-то так повелось, что Корень считали лучшей, называли врачом от бога, и все женщины стремились лечиться (и уж тем более наблюдаться во время беременности и рожать) только у нее. Татьяну Сергеевну знал не только весь городок, но и его окрестности. Конечно, для провинции в этом нет ничего особенного, тут тебе не мегаполис, где люди живут в доме годами и понятия не имеют, кто обитает в соседней квартире. В сельской местности и маленьких городках все иначе. Здесь многие друг с другом знакомы, всегда здороваются, перекидываются при встрече парой слов. Здесь соседями считают не только всех со своей улицы, но и пару-тройку из округи, здесь все всегда в курсе, что у кого в жизни происходит, и всегда готовы оказаться рядом – и в горе, и в радости. Но популярность Татьяны Сергеевны была особенной даже по провинциальным меркам. Ее действительно знали все, от стариков до младенцев, ее уважали и любили.

Да, для посторонних людей Татьяна Сергеевна была опорой, надеждой и спасительницей. Но что касается домашних... Мама растила их с Олей одна – отец умер, когда они были маленькими, Ирина помнила его очень смутно. А мама вечно была занята работой и домашними делами, на детей у нее времени не оставалось, она держалась с ними очень строго, и дочери из кожи вон лезли, стараясь быть примерными и послушными и хоть чем-то заслужить одобрение матери.

Ира с детства ощущала на себе двойственность маминого авторитета. С одной стороны, она гордилась своей матерью, с другой же – чувствовала какую-то особую ответственность, ведь она дочь самой Татьяны Корень. Стало быть, она просто обязана доказать всем, что достойна своей мамы. Ира считала, что должна хорошо учиться и не имеет права совершать никаких, даже самых пустячных, проступков – то, что общественное мнение легко простило бы всем другим девчонкам, ни за что не сошло бы с рук дочке Татьяны Серге-

евны. И это было очень тяжело, потому что Ира, как ни стремилась, не могла во всем быть первой. Проучившись на «отлично» в младших классах, она потихоньку начала сползать на четверки, а случалось, что и на тройки, когда в программе появились более сложные предметы. Ни к точным, ни к естественным наукам у нее не было способностей, и она уже начала бояться школы и плакать по ночам при мысли, что вот-вот станет двоечницей, опозорит и рассердит этим мать... Но тут ее жизнь внезапно изменилась, потому что в их город переехала из Саранска пожилая актриса, которая начала вести в Доме пионеров драмкружок. Ира стала с удовольствием ходить на занятия и вскоре поняла, что актерская профессия – ее истинное призвание. Ей всегда нравилось «представлять», как она называла это в детстве, читать стихи и тексты в классе «по ролям», петь и танцевать. Это было гораздо лучше, гораздо интереснее, чем математика или физика.

Руководительница драмкружка заметила Ирину увлеченность и помогла раскрыться ее способностям. В отличие от подавляющего большинства своих сверстниц, которые не в силах были подняться выше примитивных Золушек и принцесс, Ира охотно бралась за характерные роли – и они ей вполне удавались. Под руководством своей наставницы Ира начала старательно заниматься музыкой, пением, танцами и особенно актерским мастерством: читала отрывки из прозы, стихи и басни, нашла несколько книг по специальности, зачитывалась пьесами и представляла, как сыграла бы в них ту или иную роль.

Мама к ее занятиям отнеслась без восторга. Мол, драмкружок – это, конечно, хорошо, но не надо слишком уж им увлекаться, потому что самое главное – это не развлечения, а учеба в школе и подготовка к будущей профессии. Татьяна Сергеевна считала, что обе ее дочери должны стать врачами, пусть и не обязательно в той области, где работает она сама, но непременно продолжить медицинскую династию вслед за ней и ее мужем, отцом девочек. Ирина же была другого мнения. Она бредила сценой и экраном, не хотела никакого другого будущего и каждый раз обижалась до слез, понимая, что мама считает эти планы несерьезными. После каждого такого семейного спора Ира тайком плакала и клялась себе, что обязательно докажет матери, как та была не права. Она настолько загорелась этой идеей, что после школы решила штурмовать театральный вуз не в каком-нибудь городе поближе, а в столице. И почти все друзья и знакомые ее в этом поддерживали – кроме мамы, которая по-прежнему относилась к затее скептически.

Приехав в Москву, Ирина поступила в ГИТИС с первого раза и до сих пор не могла понять, почему ей так удивительно повезло. Конечно, она не совсем бездарность, но ведь вместе с ней поступали тысячи других девушек и парней. Не может же быть, чтобы она была талантливее их всех! Наверное, уж очень ей тогда хотелось доказать маме, на что она способна. Как же Ира торжествовала, когда отправляла домой телеграмму о зачислении на первый курс!.. А может, помогла поддержка далеких земляков, которые искренне желали ей удачи? Кажется, ученые называют это эгрегор. Или дело было в другом?.. Но последнее предположение, конечно, казалось совсем абсурдным, чудес на свете не бывает.

Во время учебы на первых курсах Ира еще иногда выбиралась домой на каникулы, но чем дальше, тем с этим становилось все труднее. Мешала веселая студенческая жизнь, подработки, ну и романы, конечно, куда ж в юности без них... А потом Ира встретила Артура, влюбилась по-настоящему и вообще забыла обо всем на свете.

Артур был сыном актрисы Изольды Невельской, которую называли русской Одри Хепберн, поскольку она была столь же миловидна и обладала таким же скверным характером, как и ее голливудская «тезка». В молодости Изольда была очень популярна, но ее звезда горела недолго – со временем актриса, за которой прочно закрепилось амплуа прелестной юной девушки, так и не сумела перейти на возрастные роли, и ее практически перестали снимать. Единственный сын Невельской Артур унаследовал внешнюю привлекательность матери и был очень хорош собой, однако ее талант ему, увы, не передался, актером он был

весьма слабым. Впрочем, влюбленную Ирочку Корень это нисколько не смущало. Артур казался ей почти божеством, и, когда из всех вздыхавших по нему девушек он выбрал именно ее, Ира готова была умереть от счастья. Дипломные спектакли она играла уже под его фамилией – Артур настоял, Ира и не противилась. Ирина Невельская звучало гораздо красивее и звучнее, чем Ирина Корень.

Однако эйфория кончилась очень быстро, семейная жизнь не задалась чуть ли не с первых дней. Свекровь изначально приняла сноху с настороженностью, которая вскоре превратилась в настоящую неприязнь. Как позже поняла Ира, тут была тысяча причин, включая и недоверие к провинциалке, посягающей на московскую прописку и хорошую квартиру, и целый букет ревностей: и материнская ревность к вертихвостке, которая забрала себе любовь обожаемого сына, и женская ревность к более молодой и красивой особе, и профессиональная ревность к актрисе, чья карьера еще только начинается.

Карьера Ирины тогда действительно пошла в гору во многом благодаря все тому же везению, которое сопровождало ее на протяжении всего профессионального пути. Как большинство ее однокашников, она сначала снималась в массовке, на четвертом курсе несколько раз получала приглашения на эпизоды и дважды прошла пробы, а на пятом еще больше повезло – получила небольшую роль в фильме известного режиссера. После окончания ГИТИСа Иру взяли в известный театр, где ввели, пусть и вторым составом, в несколько спектаклей, пользовавшихся большой популярностью у зрителей. Все это было похоже на сбывшуюся сказку, и удручало только то, что люди воспринимали Ирину преимущественно как сноху Невельской – точно так же, как раньше, дома, она была не самой собой, а дочкой Татьяны Корень.

Меньше чем через год после свадьбы Ира забеременела. Неожиданность оказалась не слишком приятной для обоих супругов, обзаводиться детьми они не планировали, во всяком случае, в ближайшие лет пять. Ирина уже готова была избавиться от ребенка, но передумала – не хотела рисковать из-за разных резус-факторов. Только из-за этого Алика и появилась на свет.

Конечно, Ирина ее любила, трогательный вид этой малышки вызывал в душе прилив нежности и умиления. Но в первые же месяцы жизни дочки она столкнулась с альтернативой: либо получить одну из главных ролей в новой постановке, либо продолжать самой кормить малышку, укладывать ее спать и стирать пеленки. И она выбрала роль. А бутылочками и погремушками стали заниматься няни и домработницы. Потому что ни Артур, в котором так и не проснулись отцовские чувства, ни Изольда, которая не желала «превращаться в бабку», как она выразилась, тоже особенно не рвались нянчить Алику. Ира тогда даже подумывала, не отправить ли Алику к своей матери, в Атяшево, но все-таки отказалась от этой затеи, боялась осуждения Татьяны Сергеевны. Да и не хотела она выглядеть в глазах родных матерью-кукушкой.

До того как Алика пошла в детский сад, Ирина еще иногда находила возможность проводить с ней время. Но потом положение дел в российском кино улучшилось, к тому же начали активно снимать сериалы. Выгодные предложения посыпались одно за другим, и Ирина от них не отказывалась. Домашние стали видеть ее все реже и реже, брак Иры затрещал по швам, но сама она этого не замечала и не придавала значения тому, как морщится Артур, когда жена сообщает ему о своем очередном успехе. Его артистическая карьера складывалась куда менее удачно – и с театром по распределению не повезло, и ролей, несмотря на все хлопоты матери, почти не предлагали. В конце концов он ушел из профессии и занялся бизнесом, но все равно воспринимал каждую творческую удачу жены как напоминание о собственной несостоятельности. И тринадцать лет назад – Ирина даже помнила, что это было на майские праздники, – он заговорил о разводе, мотивируя тем, что семьи у них давным-давно нет, каждый живет сам по себе, включая и ребенка.

Для Ирины это стало ударом, она все еще любила Артура – но все же не настолько сильно, чтобы ради него отказаться от своего призвания. И она согласилась на развод, поскольку деваться все равно уже было некуда, разбитую вазу не склеишь. Тот период в ее жизни был очень тяжелым, она несколько месяцев ходила на сеансы психотерапии. Наняла также психолога и для маленькой Алики, как-то даже не подумав, что ни один психолог на свете не сможет заменить ребенку ни ушедшего из семьи отца, ни вечно отсутствующую мать. Да, тогда (да и позже тоже!) она думала только о себе, а не о дочке. Считала, что Алика еще слишком мала, чтобы переживать что-то всерьез. А сама с головой погрузилась в работу, чтобы справиться с тем, что творится в душе. Вернее, не справиться даже, а отвлечься, забыться в суете... Погрузилась – и вынырнула только теперь, спустя тринадцать лет.

Глава 3

Родня

Утром Алика проснулась по своим меркам невероятно рано, около шести, и с удивлением поняла, что ей совсем не хочется больше спать. Поезд стоял, за окном виднелось красное здание какого-то вокзала. Мамина полка уже была пуста, но из того, что ее никто не разбудил, Алика заключила, что они пока не доехали до места. Что ж, это неплохо, значит, есть время сделать макияж и подобрать одежду. Если уж ее тащат чуть не силой в этот медвежий угол, по крайней мере она будет выглядеть достойно.

Вскоре вошла Ирина, которая улыбалась так, словно вчера у них и не было никакой ссоры. Она уже была одета в простенькую кофточку и такую простую длинную юбку, что немало удивило Алику, привыкшую видеть мать куда более элегантно. А этот неброский и практичный наряд выглядел скорее как сценический костюм и вызвал у Алики нехорошие ассоциации с ненавидимой ею «Матушкой».

«Вживается в роль провинциалочки», – ехидно подумала она.

– Вставай, соня, – бодро проговорила Ирина. – Через час приедем в Саранск. Нас встретит дядя Володя на машине.

«Делает вид, что ничего не произошло, – подумала Алика. – Что ж, вполне в ее репертуаре. Ладно, будем отвечать тем же». И, не сказав ни слова, отправилась умываться.

Она не стала завтракать, а сразу принялась наводить красоту – причесываться, делать мейкап и выбирать одежду, остановив свой выбор на розовом топике с Леди Гагой, крохотных цветастых шортах от Валентино и босоножках на огромной тонюсенькой шпильке. Наблюдавшая за ней Ирина заметила:

– На тебя там будут в таком наряде как на клоуна смотреть.

– Да-а, ла-адно, ма-ам, – привычно растягивая гласные, ответила Алика. – На-адо ж хоть пока-азать деревенским, ка-ак выглядят вещи от-кутюр. Могу поспорить, все ка-алхозницы от за-ависти попа-адают...

– Ага. Попадают. Со смеху. – Ирина вытащила из сумки блок сигарет, распечатала и достала новую пачку. – Ну, ка-ак зна-аешь, – передразнила она дочь и вышла из купе.

Не обращая внимания на ее подколки, Алика дополнила свой наряд темными очками, придирчиво осмотрела себя в зеркале, осталась довольна и сфотографировала себя на камеру планшета. Полюбовалась селфи, выложила его в Инстаграм и удовлетворенно хмыкнула. Поезд тем временем уже подходил к Саранску.

Когда объявили остановку, вошла мать и снова огорошила:

– А теперь бери свои вещи, и выходим.

Алика с ужасом воззрилась на свои чемоданы:

– Но ма-ам... Я ведь не донесу! Это же очень тяжело!

– А как ты думала, у тебя здесь прислуга будет? Зачем тогда столько вещей брала? – холодно поинтересовалась мать. – Тем более что половина тебе не понадобится. И хорошо, если только половина.

«Вообще-то я рассчитывала ехать совсем в другое место, где все это мне бы понадобилось», – со злостью подумала Алика. Перед ее внутренним взором на мгновение вновь пронеслись вожделенные пляжи Флориды... да бог с ней, с Флоридой, с Ибицей и Лазурным Берегом! Она была бы счастлива оказаться сейчас в каком-нибудь заштатном Египте или Турции, лишь бы там было хоть подобие нормального отдыха. Но выхода не было, пришлось стиснуть зубы и самой волочь свои вещи на перрон. Счастье еще, что оба чемодана были с колесиками, а на вокзале прибывших уже встречали.

Своих провинциальных родственников Алика не видела давно, с тех пор как тетя с дядей и старшей дочерью приезжали по каким-то своим делам в Москву, то ли пять, то ли семь лет назад, – она тогда еще в школе училась. Дядя Володя поседел, но военная выправка у него сохранялась по-прежнему. Это был высокий крепкий мужчина с простоватыми, хоть и правильными чертами круглого лица, открытым взглядом серых глаз и располагающей улыбкой под щеточкой пепельных усов. На нем была парадная полицейская форма, на груди три то ли ордена, то ли медали и пара каких-то значков, – Алика в этом не разбиралась и приглядываться не стала.

Тетя Оля, к ее удивлению, выглядела не хуже сестры, хотя и была старше ее на два года. Одета, конечно, проще некуда, да и фигура стройностью не отличалась, но на лице – ни морщинки, кожа прекрасная, молодая и упругая, а волосы, хоть и тронуты сединой, но густые, сильные, блестящие – просто на зависть. «Похоже, она пользуется качественной косметикой, – подумала Алика. – Где она, интересно, ее здесь берет? Наверное, мать чем-то таким снабжает...»

Пока Ирина целовалась с сестрой, дядя Володя забрал у племянницы неподъемные чемоданы, озадаченно поглядывая то на вещи, то на нее.

– Аличка, тебя просто не узнать, – улыбнулся он наконец. – Ты как будто с обложки глянцевого журнала сошла.

Комплимент Алике понравился, она соизволила улыбнуться в ответ.

– А ты, Иришка, не меняешься вовсе. – Дядя Володя ухитрился подхватить и ее сумку. – Как была красавица, так и остаешься... Ну, девчонки, хватит обниматься, идемте к машине. А то мы с вами тут весь проход загородили.

Издали Алике показалось, что родственники приехали на джипе, но, к ее разочарованию, это оказался всего лишь «УАЗ-Патриот». Дядя загрузил в машину вещи, Ирина устроилась на заднем сиденье, Алика угрюмо плюхнулась рядом. «Да уж, это совсем не «Инфинити», – усмехнулась она про себя, разглядывая интерьер машины. Владимир тем временем сел за руль, Ольга забралась следом, и автомобиль плавно тронулся с места. Дядя включил приемник на местную волну, заиграла какая-то веселая эстрадная музыка, которую Алика тут же охарактеризовала про себя как «старая попса». Да уж, веселенькие каникулы ей предстояли, ничего не скажешь...

Пока «уазик» мчал их по городу, Алика с тревогой думала о том, что ждет ее дальше. Бабушку она помнила очень смутно, в памяти осталось только то, что та была строгой. Все остальные воспоминания о приезде в Атяшево много лет назад были еще более отрывочными.

Алика вспоминала, как поздним летом они ходили по грибы, надев синие китайские дождевики и резиновые сапоги, как она радовалась крупным боровикам и стройным подберезовикам, как-то совершенно неожиданно вдруг подымавшимся ей навстречу из густой сочной травы. Вспоминала чистую и неглубокую речку, на которую они ходили купаться, и двоюродных сестер – серьезную Лену, которая хоть и была младше ее на два года, но держалась почти как взрослая, и крошечную Наташу, которая тогда только-только училась ходить. Вспоминала душистую клубнику, сладкую малину и на удивление вкусную рассыпчатую картошку, которую они ели каждый день с малосольными огурцами. Почему-то никогда больше в жизни – ни в лучших ресторанах, ни где-то за границей – ей не встретилось таких вкусных ягод и такой картошки. В общем, в то лето ей в Атяшево даже понравилось. Ну еще бы, ведь она была совсем малышкой! Тогда все было по-другому: тогда папа еще был с ними, а мама, пусть и изредка, но бывала рядом.

Но теперь... Как она теперь будет жить в тесной деревенской избе без элементарных удобств, таких, как ванная и Интернет? Алике помнилось, что в прошлый ее приезд в доме часто отключался свет, аж на несколько часов, и они сидели при свечах и кероси-

новой лампе. Тогда это представлялось волшебным приключением: бабушка рассказывала им сказки, и сказки, казалось, оживали в виде теней, отбрасываемых на стены мятущимся светом лампы... Но теперь для Алики подобные вещи были лишь признаком убогости и нищеты. «Хорошо хоть, у меня планшет нормально держит зарядку, – промелькнуло у нее в голове. – Но все равно, захоlustье – оно захоlustье и есть...»

– А как дочки ваши? – непринужденно щебетала тем временем Ирина.

– Ленка только что школу окончила, на той неделе выпускной был, – гордо отвечала тетя. – Поступает в медицинский институт при Мордовском университете, на лечебное дело. Должна пройти, баллы по ЕГЭ у нее высокие, и в олимпиадах она побеждала, и на подготовительных курсах она там училась заочно. А Наташа занимается фигурным катанием в нашем ледовом дворце.

– В вашем – где? – широко открыла глаза Алика. Факт наличия в Атяшево ледового дворца был для нее чем-то сродни появлению океанского лайнера в Чистых прудах.

– В ледовом дворце, – снисходительно улыбнувшись, повторила Ольга. – У нас его пару лет уже как открыли. Тренер на Наташу не нахвалится, говорит, от природы есть способности, грех такие не развивать. Вот, думаем ее в ДЮСШ отдать, осенью будем пробоваться.

– «Пробоваться!» – фыркнул Владимир. – Ты, мать, что, сомневаешься, что ее возьмут?

«Небось дворец этот – какой-нибудь сарай переделанный, – раздраженно думала Алика. – Или просто каток на зиму заливают на пустыре. Дворец, конечно...»

– Ну а ты, Алика, как? – неожиданно спросил дядя. – Учишься где-то? Ты, кажется, в театральный поступила?

Алика смутилась и отвернулась к окну, а Ирина сурово заявила:

– Отчислили ее из театральной академии еще той зимой. Вот думаем, что дальше делать.

Ольга тактично промолчала. Алика уставилась в окно. Ну, мать дает! Она бы еще про драку и суд рассказала! Кстати, странно, что про суд тут никто ничего не знает... Тут что, совсем от жизни оторванные все? Ни Интернета, ни газет, ни журналов?

Ей вдруг неожиданно стало стыдно. Хотя, казалось бы, чего стыдиться-то? Ну, поступит Ленка в свой мединститут, ну, катается Наташа на коньках в этом своем «дворце» – ей-то, Алике, что с того? На коньках она и сама каталась в детстве, а институт – для заучек. Зато ее сестры – провинциалки дремучие, а она – настоящая столичная штучка, стильная и гламурная.

– А мама как себя чувствует? – нарушила вынужденное молчание Ирина. – А то она мне по телефону ничего не рассказывала особо, клещами из нее не вытащишь ни про здоровье, ни про что...

– Но ты ж ее знаешь, – усмехнулась Ольга. – Не любит она о себе ничего говорить. Но, слава богу, все у нее в порядке. Здоровье неплохое, зимой, правда, переболела бронхитом, ну так мы все слегли тогда. Работает до сих пор, на той неделе в Саранский роддом ездила консультировать молодых специалистов, а позавчера вызвали почти в полночь аж в Алатырь: рожала там внука какого-то большого человека... В общем, она у нас молодцом. Постоянно все роддома по области объезжает, контролирует. У нас половина акушеров считаются ее учениками. Да и дома она нами всеми командует. В общем, все по-прежнему.

– Да уж, мама у нас – огонь, – подтвердил Владимир, обернулся на мгновение и озорно подмигнул. – У нее даже и кавалеры имеются...

– Какие еще кавалеры? – удивилась Ирина.

– Вот ведь балаболка! – Ольга шутя ущипнула Владимира за плечо.

– Эй-эй, ты поосторожнее, я все-таки за рулем, – хохотнул тот.

– Так какие кавалеры-то? – не унималась Ирина.

– Да просто к ней старый знакомый в гости заходит, дед Игнат, – пояснила Ольга. – А эти и болтают невесть что... Мужики, а сплетничают – хуже баб!

– Это Игнатий Андреевич, что ли? – уточнила Ирина. – Офицер бывший? Так я его помню.

– Ну да, он самый и есть...

От этих самых что ни на есть деревенских разговоров Алика скучала и всей душой жалела, что оставила и планшет, и плеер с наушниками в сумке, которая теперь лежала в багажнике вместе со всеми вещами. Даже нормальную музыку не послушать... В окно смотреть тоже было неинтересно, отечественные провинциальные пейзажи – это вам не Ривьера. Судя по указателям, они въехали в какую-то Чамзинку, и Владимир слегка сбросил скорость.

– Хорошую дорогу у нас сделали, – не без гордости произнес он. – Хотя зимой такой гололед был – мама, не горюй! А так почти автобан. У нас молодежь лихачить начала, бьются, переворачиваются. За весну три аварии было, куда это годится?

Ирина улыбнулась:

– По аварии в месяц? Для Москвы это вообще не статистика.

– Ну, так то же Москва! – ответил Владимир. – Большой город – большие проблемы. Народу много, машин много, да и дураков, прости, пожалуйста, тоже хватает...

«А у вас тут, можно подумать, одни интеллектуалы живут!» – хмыкнула про себя Алика, но вслух этого говорить, конечно, не стала.

– Как же все изменилось! – воскликнула Ирина, всю дорогу не отрывавшая взгляда от окна. – Знаете, по-моему, в маленьких городах есть что-то особенное... Какой-то свой, неповторимый уют. Это и у нас так, и за границей. Но за границей – я сейчас про Европу говорю – там всегда чистота, все такое аккуратненькое, ухоженное, жители приветливые... А у нас люди все больше хмурые, озлобленные, замкнутые в себе. А в городках – разруха, нищета и грязь...

– Ну, знаешь!.. – возмущенно начала было Ольга, а Владимир в один голос с ней, но более спокойно объявил:

– А вот и Атяшево. Я вас специально немного по городу покатаю, чтоб вы полюбовались на нашу «нищету и грязь».

Ирина, а вместе с ней и ее дочь с интересом глядели в окна. Удивительно, но в пейзажах, мелькавших за ними, не было и намека на провинциальную разруху, о которой только что говорила Ирина. Городок был невелик, но выглядел на удивление своим, родным и уютным. Симпатичные одноэтажные домики частного сектора были окружены ухоженными дворами и утопали в зелени садов. Вскоре «уазик» миновал красивый тенистый парк, радующий глаз яркой зеленью листвы и цветущими клумбами, напротив которого расположилось невысокое, но обширное современное здание, с глухими стенами в белых и синих тонах.

– Тот самый ледовый дворец, – пояснил Владимир.

Следом за окнами промелькнула новая центральная площадь с фонтаном, скамеечками и памятником, и начался зеленый микрорайон с двух- и пятиэтажной застройкой. Алика вздохнула с облегчением. Все-таки оказалось, что Атяшево – не совсем глухая деревня, тут и кафе есть, и магазины, и кинотеатр... Что же касается Ирины, то она испытывала целую гамму смешанных чувств, одновременно и узнавая, и не узнавая родной город. Вроде бы он стал совсем другим, осовременился, выглядит ухоженным и помолодевшим – но в то же время остался по-прежнему родным и не растерял ни капли своего уюта. Ирина вдруг почувствовала себя усталым странником, который после долгих скитаний по хмурому враждебному миру наконец-то возвращается домой, к теплу родного очага и свежести родниковой воды. Внезапно она осознала, какими же чужими для нее всегда были большие города... Мегаполисы сдавливали ее, она чувствовала себя в них, как в тюремной камере, пусть даже и комфортабельной, а теперь ощутила непривычную и непередаваемую свободу, как у птицы,

которой мешали взлететь прутья клетки, – и вдруг они исчезли. Ирина скосила взгляд на Алику, сидевшую с отрешенным выражением лица, и подумала: а сможет ли ее дочь когда-нибудь почувствовать что-то подобное? Сейчас наверняка нет. Но может быть, как-нибудь потом, со временем...

Машина несколько раз повернула, пересекла промзону возле железнодорожных путей и въехала на тихую улочку с преимущественно одноэтажной застройкой. Вскоре «уазик» приблизился к одному из участков, почти на окраине. За невысоким, примерно в метр высотой, свежевыкрашенным голубой краской забором виднелись пышные деревья и большой двухэтажный дом из белого кирпича; на улицу выходили ворота с калиткой.

– Ага, мама дома, – отметил Владимир, притормозив у ворот. – Это хорошо. А то бывает, что она и на сутки уезжает. Нечасто, к счастью.

Ирина улыбнулась. Владимира она знала не слишком хорошо, Ольга начала встречаться с ним уже после ее отъезда в Москву. Но Ире понравилось, что он называет тещу мамой – причем без ехидства и иронии, как некоторые ее знакомые, и не в обязаловку, а явно от души. Ее второй муж Игорь уж точно не был способен на подобное. За те четыре года, которые они прожили вместе, он так и не познакомился с Татьяной Сергеевной лично, но заочно ее не любил, причем безо всяких на то оснований – мать Ирины им не докучала, они и созванивались между собой редко, в основном на праздники. Впрочем, Татьяна Сергеевна, как человек проницательный, сразу предостерегла Ирину, после того как увидела фотографию Игоря, – Ира прислала снимки Оле по электронной почте:

– Смотри, дочка, он у тебя склизкий какой-то, как я поняла, – сказала мама.

Тогда Ирина обиделась, возмутилась, попыталась переубедить ее и только сейчас осознала, что та оказалась совершенно права. Именно склизкий, точнее слова и не подберешь – лживый, подленький, мелочный, жалкий...

От этих мыслей Ирине стало не по себе. Она привыкла считать себя победительницей, сильной и успешной, а на проверку оказалось, что все совсем не так. Мужья ею не дорожили, дочь выросла, как сорняк у плохой дороги, а мать снова оказалась права, несмотря на все потуги Ирины доказать обратное...

Машина тем временем въехала в ворота и остановилась. Алика, очевидно, уставшая от долгого сидения на одном месте, поспешила вылезти, Ирина последовала ее примеру.

Алика огляделась по сторонам – да уж, это точно не Лазурный Берег... Просторный двор хоть и покрыт травой, но совсем не напоминает английский газон. За гаражом клумба с цветочками, с другой стороны какие-то сараи, а за ними, похоже, огород – грядки тянутся вдаль чуть не до горизонта. Сбоку к дому пристроена открытая веранда, на ней большой деревянный стол, вдоль него – лавки без спинок. В общем, кошмар. Как тут можно жить?

Их уже встречали. Стоило «уазику» оказаться во дворе, как дверь дома распахнулась, и на высоком крыльце появились сначала Лена с Наташей, а потом и их бабушка. Впрочем, бабушкой Татьяна Сергеевна совершенно не смотрелась: стройная, высокая, полная сил, пусть и пожилая, женщина. Алику поразило, как хорошо она выглядит в свои годы – и это при том, что живет практически в деревне и до сих пор работает! Даже руки и шея, почти всегда выдающие возраст женщины, выглядели у Татьяны Сергеевны намного моложе, чем должны были бы по годам, и лишь обильная седина указывала на возраст.

«Мама что, их всех тут элитной косметикой снабжает? – удивленно думала Алика. – Наши... да что там наши – голливудские звезды после пластической хирургии и то выглядят хуже! Странно только, что они тут так за собой следят, а волосы не красят...»

Ей сразу бросались в глаза сходство Татьяны Сергеевны с мамой и тетей. И Ирина, и Ольга были очень похожи на нее, но в них не было какой-то строгости, серьезности, отличавшей бабушку.

Впрочем, строгость и серьезность моментально улетучились, когда бабушка увидела приехавших, сбежала с крыльца и с улыбкой кинулась обнимать и целовать дочь и внучку. Девочки присоединились к ней, расцеловали и тетю, и двоюродную сестру, которая их едва помнила и при других обстоятельствах ни за что бы не узнала. Алика при этом чувствовала себя как человек, на которого вдруг набросился с выражением своей привязанности большой любвеобильный пес. Она растянула губы в притворной улыбке и неуклюже отвечала на объятия, понимая, что ей искренне радуются, но самой ей радостно не было. С ее точки зрения все происходящее выглядело совершенно убого, если не сказать хуже. Бабушка и особенно сестры были для нее совершенно чужими, их радость – непонятной. «То ли прикидываются, то ли дурочки», – цинично думала Алика. Кроме эфемерных уз родства и одного несчастного лета в далеком детстве, ее с этими людьми ничто не связывало. Алика смотрела на сестер с откровенным презрением – совсем не красавицы, одеты в простенькие халатики и дешевые тапочки, обе без макияжа, брови не выщипаны. Ладно, Наташа – она маленькая еще, но Лена-то чего за собой не следит?

– Аличка, ну дай же наконец посмотреть на тебя! – восклицала бабушка. – Какая большая выросла, совсем взрослая!.. А как одета, батюшки-светы! Это сейчас у вас так в Москве ходят? Я, конечно, по телевизору вижу иногда...

Тут она замолчала, сдержавшись, но укоризненно покачала головой.

– Может, пойдем в дом? Что ж во дворе-то стоять! – предложила тетя Оля.

– Или хотя бы меня пропустите с багажом! – шутливо взмолился дядя Володя, который уже успел вытащить из «уазика» сумки и чемоданы и теперь пытался протиснуться с ними к крыльцу сквозь толпу женщин.

– Идемте, конечно. – Татьяна Сергеевна посторонилась, давая дорогу зятю. – Умойтесь с дороги, а мы с Ольгой и девочками пока на стол соберем.

– А меня к завтраку пригласите? – неожиданно послышался от калитки глубокий сильный баритон.

Алика могла бы поклясться, что голос принадлежит мужчине в самом расцвете сил, но, когда обернулась, то увидела стоящего возле «уазика» высокого и худого человека с прекрасной осанкой, но по возрасту явно ровесника Татьяны Сергеевны, а то и старше. Его голова была совершенно седой, но на подбородке пробивалась рыжеватая щетина. Мужчина приветливо улыбался, улыбались, кажется, даже его глаза.

– Игнатий Андреевич! – ахнула Ирина. – Дядя Игнат!

– Ишь ты, узнала, звезда наша московская, – просиял тот, подошел к крыльцу и сердечно обнял Ирину. Алика заметила, что при ходьбе он сильно хромает. – Только теперь уж не дядя, я теперь дед. – Он усмехнулся. – А я ведь тебя с вот таких вот лет помню. – Его худощавая, но сильная рука показала высоту примерно метр от земли. – Вот только почему-то не жалуешь ты наши края...

– Ну вот, пожаловала же... – потупилась Ирина.

– И правильно сделала. – Дед Игнат ласково погладил ее по плечу. – Человек хоть и не дерево, а от корней отрываться не должен, засохнет. – Он подмигнул лукаво и тут уже переключил свое внимание: – А это у нас кто? – Дед Игнат, прищурившись, посмотрел на Алику. – Чай, дочка твоя?

Ирина кивнула, а Алика уже приготовилась к тому, что ее сейчас будут оценивать, и эта оценка явно не будет лестной. Но тут положение неожиданно спасла большая лохматая собака, которая подбежала к ним, радостно виляя хвостом-бубликом. Алика невольно посторонилась. С собаками у нее были сложные отношения. Когда-то она, как и все дети, хотела питомца, и ей наконец купили маленькую гламурную йорочку по кличке Кэнди. Однако у той оказался мерзкий характер, она постоянно тявкала, пискляво и противно, рвала Алике колготки зубами и коготками, а когда обижалась, что случалось слишком часто, то писала

или даже какала в неподходящем месте, будто специально выбирая для этой цели то подушку Алики, то ее новенькие туфли, то лежащий на кровати любимый свитер. В конце концов, Алика не выдержала и передала ее однокласснице.

Подбежавший пес выглядел совсем неухоженным. Он по-хозяйски поприветствовал каждого, лизнул руку Ирине, а возле Алики встал на задние лапы, передними упершись в ее розовый топик. Алика испуганно отскочила назад, споткнулась о какую-то кочку и чуть не упала на своих высоченных шпильках, хорошо, сестры были начеку и успели поддержать ее с двух сторон.

– Не пугайся, дочка, Пушок тебя не съест. Танечка его хорошо покормила, да, Татьяна? – сказал дед Игнат. Все рассмеялись, только Алике было не до смеха – любимый розовый топ от NAF NAF с Леди Гагой был безнадежно испорчен, а у самой певицы появился вокруг глаза синяк в форме отпечатка собачьей лапы. Вот гадкий пес!

– Мне надо будет переодеться, – глухим голосом проговорила Алика, глядя в сторону. Дед Игнат понял ее по-своему:

– Конечно надо, дочка, – сказал он, ухмыляясь. – Если ты так по улице пойдешь, у нас все куры со смеху передохнут!

Сестры прыснули, но тетя Оля строго глянула на них, и они притихли. Ирина отвернулась, пытаясь скрыть улыбку.

– Девочки, я ваши вещи к вам в комнату отнес, на второй этаж, – крикнул появившийся на крыльце Владимир, и Алика заметила, что и он тоже улыбается.

– Да проходите уже в дом! – скомандовала Татьяна Сергеевна. – А то стоим толпой посреди улицы, как делегация из обкома. Ира, Алика, идите мойте руки – и за стол!

Не послушаться ее было невозможно. Все тут же разбрелись в разные стороны. Хозяйка и дед Игнат направились в дом, а Ирина повела дочь в глубь двора, где к стене сарая прилепился зеленый пластиковый умывальник совершенно деревенского вида – с палочкой, затыкающей отверстие для воды. Алика даже не сразу сообразила, как пользоваться этим приспособлением.

– Что за идиотская конструкция... – ворчала она. – Почему не сделать нормальный человеческий кран?

– Потому что через кран сразу же вытечет вся вода, – спокойно объяснила Ирина, протягивая ей мыло. – И не натаскаешься. Это же не водопровод, сюда надо приносить и наливать воду самим.

– Хорошо еще, нам тут самим электричество вырабатывать не нужно, – пробурчала Алика, – бегая в каком-нибудь колесе...

С грехом пополам ей удалось кое-как замыть грязь на топике. К счастью, все оказалось не так плохо, как она думала. Может, пятна и не останется...

– Кстати, тебе в туалет, случайно, не надо? – запоздало спохватилась Ирина.

Воображение тут же нарисовало Алике дощатый сарай, дырявый и шаткий, с вырезанным в двери сердечком и дыркой в полу вместо унитаза. Нет уж, лучше потерпеть, она пока не готова к таким потрясениям...

– Девочки, ну, где вы там? – крикнула с веранды Татьяна Сергеевна. – Идите скорее, все уже на столе.

Глава 4

Под крышей дома твоего

Поднявшись на веранду, Ирина чуть не ахнула, увидев, какой шикарный стол им накрыли. В центре красовалось большое блюдо с мясной нарезкой, где чего-чего только не было: вареная колбаса, сырокопченая, полукопченая, ветчина, карбонад, колбасный сыр, язык в желе... С другой стороны расположилось блюдо чуть поменьше – с огурцами, помидорами, редиской и свежей зеленью, явно только что сорванной с грядки; место рядом заняли миски с густой сметаной и рассыпчатым творогом. Все было такое свежее, сочное и душистое, что просто слюнки текли от одного только вида и аромата.

– Ну, прямо пир горой! – улыбнулась Ира. – Откуда ж у вас такие разносолы?

– Так все местное, – спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, отвечала Татьяна Сергеевна.

– Как это «местное»? – не поняла Ирина. – Молоко, что ли, местное? Кто-то из соседей корову держит?

– Да, Смирновы держат, – подтвердила Ольга, подходя к столу с дымящейся кастрюлей в руках. – Помнишь Смирновых? И молоко, и творог, и сметану мы у них берем. А колбасы наши, атяшевские, с мясокомбината. Кому котлет с картошкой? Подставляйте тарелки!

– А я и не знала, что у нас тут мясокомбинат есть, – удивилась Ира, принимая полную тарелку из рук сестры. – Недавно открылся?

– Ну как недавно... – пожал плечами Владимир. – С девяносто восьмого года работает. Нам нравится: все вкусное, из отличного мяса... Лель, а ты чего мне только две котлеты положила? Жалеешь для родного мужа?

– Алика, бери хлеб. – Лена протянула сестре покрытую салфеткой плетенку с крупными, весьма аппетитного вида ломтями. – Ты какой любишь, белый или черный?

– Никакой, – скривилась Алика. – Я хлеб не ем.

– Почему? – искренне удивилась Наташа.

– Фигуру небось бережет, – хмыкнул дед Игнат. – Только, Аличка, мое мнение такое: ты в этом деле уже маленько перестаралась. У тебя уже телосложение превратилось в теловычитание...

Алика решила пропустить эти слова мимо ушей. Деревенские разносолы выглядели, конечно, соблазнительно, но она никак не собиралась разжираться тут до размеров свиноматки. Поэтому отказалась и от картошки, и от творога, который явно не был обезжиренным, а только положила себе на тарелку одну котлетку и немного овощей и зелени. И бабушка, и тетя Оля, и сестры, и даже дядя Володя то и дело предлагали ей то одно, то другое, но Алика мужественно все отвергала.

Когда тарелки наполнились, дед Игнат извлек из-за пазухи небольшую пузатую бутылочку, закрытую пробкой.

– Что это у тебя, дядя, чемергес, что ли? – поинтересовалась Ирина.

– Чемергес, да не простой, – гордо отвечал тот. – Мой собственный рецепт, на летних травах. И не каких-нибудь, а с Бугров.

– Не рановато ли для чемергеса? – строго спросила Татьяна Сергеевна. – Еще и двенадцати нет.

– Ну так ведь сегодня у нас особый день: дорогие гости приехали, – улыбнулся дед Игнат, кивнул на Ирину и Алику и лукаво подмигнул. – В особый день и застолье особое.

Что такое чемергес, Алика понятия не имела, только предположила по виду, что местный самогон. Дед Игнат разлил его по стопкам всем взрослым, не предложив ни Алике, ни

ее сестрам. Тех, впрочем, это совершенно не удивило, они спокойно пили кисленький морс, который Наташа наливала всем желающим из запотевшего глиняного кувшина.

– Ну, с приездом! – Татьяна Сергеевна подняла стопку и посмотрела на младшую дочь.

– Шумбрачи! – с улыбкой отвечала Ирина.

– Это по-нашему «за здоровье», «будьте здоровы», – вполголоса перевела двоюродной сестре Лена.

Алика едва кивнула ей. Она смотрела на мать и отмечала, что та неуловимо изменилась. Как будто все это время она была скована льдом, а теперь лед растаял. Что-то поменялось во взгляде, стали другими, какими-то более свободными, движения. И ест с таким аппетитом, уплетает за обе щеки и картошку, и котлеты, и мясную нарезку. В Москве, бывало, она целыми днями одним кофе да сигаретами питалась, а тут, поди ж ты, ест в три горла...

– Как же все вкусно! – восхищалась Ирина. – Вы правы, мясо и колбасы – это просто что-то потрясающее!

– Ты дома-то успеваешь готовить? – поинтересовалась Ольга, накладывая мужу добавки.

– Какое там... – отмахнулась Ирина. – Я дома-то и не бываю почти. У нас, правда, помощница по хозяйству есть, но Алике ее стряпня не нравится, она обычно заказывает готовую еду.

– Да, я предпочитаю японскую кухню, – светским тоном проговорила Алика.

– То-то я смотрю, ты на колбасу с ветчиной глядишь, как Ленин на буржуазию, – засмеялся дед Игнат. – Что ж, мы чем богаты, тем и рады, а сусси и роллы в наших краях, извини, не водятся.

– Да я и не надеялась... – хмыкнула Алика.

– Слушай, а давай пари держать, – предложил вдруг дед Игнат. – Вот съешь только один кусочек, – он оглядел блюдо с мясной нарезкой, – да хоть щековины. Спорим, что тебе понравится?

– А если нет? – не удержалась от вопроса Алика.

– Тогда я сам лично тебе на обед пиццу закажу, – заверил дед.

– О, тут даже пиццу можно заказывать? – вскинула брови Ирина.

– Можно, – дружно закивали и девочки, и их родители, а дед Игнат добавил:

– Ну да, есть и у нас теперь эта напасть...

Пиццу Алика любила, но позволяла себе нечасто – все-таки очень калорийно, а она сильно боялась поправиться, пусть все и уверяли, что ей это не грозит. Но ведь жир – это так ужасно! Лучше уж умереть, чем быть жирной уродиной! Хотя... Она очень надеялась, что от пары кусков пиццы она не поправится. Как и от одного ломтика этой самой... Как они ее называли? Кажется, щековины – восхитительно-розовой, сочной копченой свинины с аппетитной полоской жирка. Свинина выглядела настолько привлекательно, что Алика уже давно тайком поглядывала на нее. И теперь, пожав плечами и всем своим видом показывая, что делает это только из уважения к старшим, положила себе на тарелку ломтик, отрезала маленький кусочек, сунула в рот... Боже, как же это оказалось вкусно! Забыв о своих предубеждениях, Алика проглотила все, что было у нее в тарелке, и тут же потянулась за следующим куском. А заодно, мысленно махнув рукой, прибавила к нему и по ломтику колбасы – и той, и этой, и вот этой... И языка в желе тоже. Она решила, что фиг с ней, с фигурой, раз в этой дыре можно хоть чем-то побаловать себя и вознаградить за ссылку.

– Ну, то-то же, – удовлетворенно проговорил дед Игнат под общий одобрительный смех. – Стало быть, на пицце я все-таки сэкономил...

Когда обильный завтрак стал близиться к завершению, сестры предложили показать Алике, где их с мамой разместили. Им пришлось уступить гостям свою комнату в мансарде, но девочки, судя по всему, нисколько не были этим огорчены.

– Я бы поселила вас в виходе, – объяснила Татьяна Сергеевна, – но там, как на грех, провалилась крыша. Если б мы заранее знали, что вы к нам нагрянете, починили бы, конечно. Володя позвал бы кого, хоть того же Ваню, вдвоем бы быстро управились. Но ты сообщила так внезапно...

Ирина только виновато улыбнулась в ответ и промолчала.

– А что такое виход? – поинтересовалась, прожевывая последний кусок, Алика.

– Летнее помещение, что-то вроде флигеля, – объяснила ей мать, указывая вправо. – Вон он там, видишь?

Алика поглядела в ту сторону и увидела древнюю развалюху из потемневших от времени бревен. Не хотела бы она там жить, пусть даже и с целой крышей...

– Забыла уже? – удивилась бабушка. – Мы ж тебе это еще в прошлый приезд рассказывали.

– Так сколько лет-то прошло! – заступилась за племянницу тетя Оля. – Для Алики-то, почитай, вся жизнь. Конечно, она не помнит...

– Ну да, верно, – кивнула бабушка, аккуратно вытирая салфеткой рот. – Это только мне, старухе, кажется, что вы приезжали совсем недавно... Видишь ли, Аличка, раньше на месте этого дома была самая обыкновенная деревенская изба, которую построил дед моего покойного мужа, Тимофей Корень. И простояла она больше ста лет. Но – это было уже после того, как ты у нас тут погостила, – мы ее снесли и построили вот этот дом: побольше и посовременнее. Тогда же и баню срубили, и сарай обновили. А виход так с тех времен и остался, вон он там, у забора.

– Ну что, идем наверх? – обратилась Алика к сестрам, не без труда вставая из-за стола – дало себя знать обилие деликатесов. Но девочки с изумлением поглядели на сестру:

– погоди, а как же посуду убрать?

Гостья пожала плечами – подобная мысль вообще не приходила ей в голову. Алика никогда в жизни ничего за собой не убирала, на это у них в доме имелась прислуга. Но вспоминать об этом сейчас показалось как-то неуместно, и она, подхватив две тарелки, свою и мамину, последовала за сестрами в дом.

К ее величайшему удивлению, кухня в доме оказалась на редкость приличной, просторной, уютной и не только с водопроводом, но еще и с современной техникой, новенькой плитой и большим холодильником.

– Ух ты, у вас даже соковыжималка есть! – изумленно отметила Алика.

– Ну а как же! – отвечала Лена, составила посуду в раковину и включила воду. – Мы соки всегда на зиму закатываем.

– У нас и спутниковая антенна есть, – с гордостью добавила Наташа и опустила на кухонный стол блюдо с заметно поредевшей мясной нарезкой. – И ванна с гидромассажем.

– Неужели? – этой новости Алика обрадовалась от всей души. – Может, у вас и Интернет есть?

– Есть, а как же. Вайфай по всему дому.

– Серьезно, что ли? – не поверила Алика.

– Ну да. – По выражению лица Лены было ясно, что та не прикалывается.

Наташа принялась укладывать остатки мяса и колбасы в пластиковые контейнеры, и Алика, после недолгой борьбы с собой, стащила еще кусочек щековины. Оно, конечно, смерть фигуре, но устоять было просто невозможно...

После разговора с сестрами у нее немного отлегло от сердца. Оказывается, в этой глухомани еще можно жить. Пока сестры занимались домашней работой, Алика решила поболтать с ними, но найти тему для разговора оказалось непросто, она понятия не имела, о чем можно говорить с провинциалками. Лена с Наташей, как назло, тоже замолкли.

«Робеют передо мной, – догадалась Алика. – Ну еще бы, понимают ведь, что они деревенские замухрышки, а я вся такая модная, брендовая из столицы приехала... Может, провести с ними курс молодого бойца? Научить одеваться, краситься, отрываться как следует...»

– Ну и как вы тут живете? – начала она.

– Да хорошо живем. – Лена передала Наташе очередную тарелку, та вытерла ее полотенцем. – А что?

– Да я так... – «Вот напасть! Ну и как с ними разговаривать?» – А где тут можно оторваться?

– Оторваться? – переспросила Лена. – В каком смысле?

– Ну... – Алика замялась. Они что, русского языка не понимают? – Отдохнуть у вас тут где можно?

– От чего? – недоуменно уставилась на нее Наташа.

– Блин!.. – Алика еле сдержалась, чтобы не выразиться покруче. – Но что вы тут делаете вообще, как время проводите?

– Я вот только что школу окончила. – Лена взяла следующую тарелку. – Буду в медицинский поступать, хочу попробовать попасть на бюджет. Наташа фигурным катанием занимается...

– Ну да, это я уже слышала. – Алика подтянулась на руках и села на стол – долго стоять на высоченных каблуках было тяжело, уставали ноги. – А еще что вы делаете?

– Ну как что? – Наташа, казалось, даже удивилась. – Маме с бабушкой помогаем, хозяйством занимаемся. У нас ведь и огород, и сад, и кролики...

– Но зачем вам это? – в свою очередь, изумилась Алика. – У вас же все продукты в магазине продаются. И магазинов много, я видела, пока сюда ехали.

– Так свое же – оно всегда лучше, чем покупное! – Наташа сказала это таким тоном, будто была взрослой и объясняла несмышленому малышу самые элементарные вещи. – И вкуснее, и полезнее.

А Лена укоризненно взглянула на двоюродную сестру и добавила:

– Слезь со стола, пожалуйста. А то нехорошо получается – тут готовят, а ты сидишь.

Алика торопливо соскочила, оглянулась, осмотрела себя. К счастью, вроде бы ни в чем не испачкалась.

– Так вы что же, целый день пашете тут, как негры на плантации? – осведомилась она. – А когда же тусоваться? Ну, то есть гулять?

Девочки переглянулись и рассмеялись:

– Но нам же никто гулять не запрещает! Мы все успеваем – и гулять, и читать, и кино смотреть, и в Интернете сидеть... Сделали свое дело – и гуляй хоть до ночи.

Для Алики, у которой клубная жизнь ночью только начиналась, эти слова прозвучали весьма убого.

– Ну, хоть кабаки-то тут приличные есть? Вроде, когда мы ехали, я что-то такое видела...

– Ну конечно, есть, – заверили ее сестры. – И ресторан есть, и кафе. В том же ледовом дворце, например. Мы часто туда ходим мороженое есть.

«Ну, слава тебе господи! – подумала Алика. – Хоть кабаки есть. Надо поискать – может, и получится найти здесь какую-нибудь тусу. Ясное дело, что там собирается одна деревенщина – но зато я на их фоне буду выглядеть как звезда. А это лучше, чем ничего».

* * *

Больше всего на свете Ирине хотелось сейчас хотя бы поболтать по душам с сестрой, и, кроме того, она чувствовала, что нужно поговорить и с матерью. Но и Ольга, и Владимир

сразу после завтрака торопливо распрощались и убежали по своим делам – был обычный рабочий день. А подойти к Татьяне Сергеевне и начать разговор Ирина просто не отважилась. И раньше-то, когда она была девчонкой и жила здесь, у них не были в заводе долгие душевные беседы между матерью и дочерью. Не таким человеком была суровая и слишком занятая на работе Татьяна Сергеевна, чтобы у нее находилось время разводить с ними турусы на колесах. Все действительно важные вопросы решались быстро и четко. Получила плохую отметку – исправляй. Не успела сделать что-то по дому – иди и делай сейчас. Порвалась кофточка – зашей. А с такими вещами, как ссоры с подружками, впечатления от книги или переживания первой влюбленности, сестры никогда к матери и не совались, предпочитали обсуждать все друг с другом или держать в себе. Однако ж теперь все было гораздо сложнее и серьезнее. Ирина понимала, что ей необходимо поговорить с матерью, но пока не могла на это решиться.

Она спустилась в сад, достала пачку сигарет и хотела закурить, но ее остановила Татьяна Сергеевна. Чуть перегнувшись с перил веранды, она строго произнесла:

– А вот этого, дочка, не надо. Нечего здоровье себе портить. Ты сюда зачем приехала – здоровье поправлять или гробить?

– Ну, развевалась наша командирша! – с усмешкой проговорил, тоже подходя к перилам, дед Игнат. – Она, Ириш, нас всех тут строит, как прапорщик новобранцев на плацу. Того нельзя, этого не делай... Мы уж тут и пикнуть не смеем без ее разрешения.

– А будешь много болтать – вообще со двора погоню! – шикнула на него Татьяна Сергеевна и скрылась в доме.

– Ох, боюсь-боюсь! – Дед Игнат картинно прикрыл голову кепкой. – Но, если серьезно, ты, Ирочка, и вправду ее послушай. Курево – оно ведь никому не полезно. Ну, понятно, я, старый пень, смолю, мне уж терять нечего. Или Володька, ему простительно, у него работа нервная. Но тебе-то зачем красоту свою портить? Да и не модно это сейчас. У нас в Атяшеве из молодежи почти никто не курит, даже парни, не говоря уже о барышнях. Уверяют, что нынче здоровый образ жизни... как это по-вашему называется? *В тренде*, вот.

Ирина хотела уже возразить, что ей всегда было наплевать на моду и что ее работа, пожалуй, не менее нервная, чем в полиции. Однако ж промолчала и послушно спрятала сигареты в карман – точно так же, как сделала бы это двадцать пять лет назад, будучи еще девчонкой.

А дед Игнат тем временем продолжал, хитровато прищурившись:

– Думаешь, дочка, я не знаю, зачем ты вернулась?

– Откуда же вам это знать, дядя Игнат? – пожала плечами Ирина. Она и сама толком не знала ответа на этот вопрос. Сама себе говорила, что привезла сюда дочь, чтобы спасти, пока еще не поздно, но в глубине души понимала: это не то чтобы неправда, но, как бы это выразиться... не вся правда. Не только ради Алики она вернулась в родные места. Но и ради себя самой. Чтобы найти что-то давно потерянное, что-то очень важное... Но что именно – она пока не осознавала.

А дед Игнат тем временем продолжал:

– А оттуда, Иришка, что давно я на этом свете живу, кое-что повидал и кое в чем разбираюсь. Думаешь, ты одна такая? Все люди такие. Всех сначала тянет кому-то что-то доказать... Родителям, несостоявшимся пассиям, мужьям нынешним и бывшим. Вот, мол, смотрите, какой я крутой, вон что я могу! И те, кому упорства и характера хватает, действительно добиваются, и многого. Вот ты, например.

Ответить на это Ирине было нечего. Она молчала, но думала о том, что дед Игнат, пожалуй, угодил не в бровь, а в глаз. Действительно, она всю жизнь, во всяком случае, значительную ее часть, постоянно кому-то что-то доказывала. Сначала односельчанам – что достойная дочь своей матери, и самой маме – что она хорошая дочь и что ее желание стать

актрисой – не глупая девичья блажь, а истинное призвание. Потом педагогам и однокурсникам в ГИТИСе – что она не случайная дурочка из провинции и находится здесь не зря. Потом Артуру и ненавистной свекрови – что она не пропадет после того, как они выкинули ее из своей семьи, сумеет не только удержаться на плаву, но и сделать карьеру, стать известной, востребованной, обеспеченной. А потом... Потом она уже жила как во сне, будто бы по инерции.

– Так почти со всеми бывает, Ирочка, – говорил тем временем дед Игнат, словно мог прочесть ее мысли. – Только не у всех хватает ума остановиться и хотя бы попытаться разобраться в себе. Остальные так и продолжают шагать по привычной дорожке, не задумываясь даже, куда они идут, зачем и действительно ли им туда надо.

– Я вот себя об этом уже спросила, – усмехнулась Ирина. – Да что-то ответа пока не найду...

– А ты не спеши, не спеши. – Он перегнулся через перила и ласково потрепал ее по плечу. – Всему свое время. Вот ты домой вернулась да еще и дочку с собой привезла – это уже хорошо. Отдохните пока хорошенько да сил наберитесь. А то замученные совсем – что ты, что Аличка. Придете в себя маленько – а там можно будет и на Бугры сходить.

– На Бугры... – задумчиво повторила Ирина.

Из дома выглянула Татьяна Сергеевна, увидела разговаривающих и возмутилась:

– Да что ж ты все на ногах-то, Игнат? Пошли бы присели хоть в сад, на лавку.

Тот покачал головой:

– Не, Тань, некогда мне расслаживаться. Пойду я, дела дома есть.

– Так что ж ты тогда с Володей-то не поехал? – поинтересовалась та. – Он ведь предлагал тебя подбросить.

– Вот еще! – возмутился дед Игнат. – Не хватало из-за меня почему зря бензин разбазаривать. Дойду уж.

Развернулся, пошел, прихрамывая, к забору и вскоре исчез за калиткой.

– Вот упрямый-то, – сказала Татьяна Сергеевна с теплотой в голосе. – Трудно, что ли, Володе его за две улицы отвезти?

– Мама, – решила наконец Ирина. – Я тут спросить хотела... – и замолчала.

– Хотела, так спроси, – спокойно ответила Татьяна Сергеевна. – Небось о Буграх?

– О Буграх? – Ирина даже слегка растерялась. Конечно, об этом она тоже думала, но...

А мать тем временем уточнила:

– Ты хочешь спросить, есть ли правда в этих рассказах?

– Ну... В общем, да, – кивнула дочь. – Почему-то с недавних пор все говорят мне о Буграх...

– А что тебя удивляет? – пожала плечами Татьяна Сергеевна. – Ты ж тут родилась и выросла, сама все знаешь. Последнее время слава о наших Буграх широко распространилась, люди в Атяшево со всей России едут...

– И что? Действительно помогает?

– Если бы не помогало – наверно, не ездили бы, – усмехнулась Татьяна Сергеевна.

Ирина машинально потянулась за сигаретами, но вовремя спохватилась.

– Мам, но ведь ты всегда рационально мыслила! Ну, подумай сама, разве возможно такое, чтобы...

Она замолкла на полуслове, потому что с губ так и рвалась фраза: «Отчего же они мне тогда не помогли?»

– Слушай, Ирина. – Мать вдруг неожиданно сменила тему: – Про Бугры мы с тобой после поговорим, у нас еще будет на это время. А пока давай-ка делами займемся. Я тут так закрутилась, что с самой Пасхи не могу на кладбище выбраться, к твоему отцу и дедушкам-бабушкам. Все то одно, то другое, то дела, то случаи... А там небось все уже бурья-

ном заросло выше головы. Раз уж выдался свободный денек, может, сходим туда сегодня? И Алику возьмем. Втроем-то мы быстро управимся...

– Конечно, мама, – тут же согласилась Ирина. А про себя подумала, что оказалась права в своих предположениях: тут не курорт, бездельничать мама никому не даст, всем найдет работу. Что ж, может быть, это к лучшему и для нее, Ирины, и для Алики...

* * *

Поднимаясь на второй этаж по ладной деревянной лестнице с резными балясинами, Ирина думала о том, как же все здесь изменилось за время ее отсутствия. Ее родной провинциальный поселок сделался почти городом – красивым, уютным и вполне современным. Старая изба, где прошли ее детство и юность, превратилась в новый комфортабельный дом. Сестра Оля, которую Ирина отлично помнила конопатой девчонкой с толстой косой и застенчивым румянцем, чуть что заливавшим не только щеки, но и уши и даже шею, стала взрослой, уверенной в себе женщиной и, судя по всему, вполне довольной своей жизнью. И мама... Она, конечно, постарела, в ее годы время уже никого не красит. Но она тоже стала другой. Как-то мягче, терпимее, теплее... И даже, как ни странно это звучит, роднее. А может, мама и не менялась вовсе? Может, она всегда была такой, а изменилась сама Ирина – повзрослела, избавилась от юношеского максимализма, научилась видеть в людях то, чего не замечала (или не хотела замечать?) раньше?

Хотя Ира так и не поговорила толком с матерью, но на душе у нее было хорошо и покойно. Она вдруг осознала, прочувствовала, что приехала *домой*, к родным людям. Они снова вместе. И это было замечательное ощущение. С тех пор как Ирина четверть века назад покинула Атяшево, она все время была одна. Ни московские друзья, ни коллеги, ни Артур за тот краткий период, пока у них все еще было хорошо, не говоря уже об Игоре, не смогли создать у нее вот этого самого чудесного ощущения «вместе». А теперь, когда Ира снова очутилась дома, когда увидела маму, Олю, Володю, их девочек и деда Игната, это чувство вернулось к ней так просто и естественно, будто она вдохнула его вместе со свежим, пьянящим, полным травяного аромата атяшевским воздухом.

Алика полулежала в кресле, пристроив на подоконник длинные худые ноги в этих жутких ходулях на огромной шпильке, и не отрывала взгляда от планшета, который держала на коленях. Разобрать вещи она, конечно, не удосужилась, чемоданы и сумки так и стояли неоткрытыми в углу, куда их утром поставил Володя.

– Играешь? – осведомилась Ирина, бросив быстрый взгляд на экран планшета, по которому прыгали, переливаясь, разноцветные шарики.

– А что тут еще делать, в этом захолустье? – лениво, но не без вызова в голосе отвечала Алика.

– Встать и переодеться, – сдержанно проговорила Ирина, давшая себе слово не поддаваться на провокации дочери и всеми силами избегать повторения ссоры, случившейся в вагоне-ресторане. – Мы скоро к бабушке пойдем.

– К какому еще бабушке? – недоуменно уставилась на нее Алика.

– К твоему бабушке, на могилу, – пояснила Ирина. – Мама говорит, что они на кладбище с самой Пасхи не выбирались. Надо прибраться, сорняки порвать... Так что оденься соответственно, пожалуйста.

Алика пожала плечами, всем своим видом показывая, что ей уже все равно – к бабушке так к бабушке. Без особого энтузиазма она отложила планшет, поднялась с места и, вспомнив что-то, обернулась к Ирине.

– Слушай, мам, – поинтересовалась Алика. – Вот ты можешь мне объяснить, какого черта ты потащила меня мыть руки из этого жуткого девайса, когда в доме есть нормальная человеческая ванная?

– Знаешь, по привычке, – честно призналась Ира, открыла свой чемодан и принялась доставать одежду. – Я в тот момент о водопроводе в доме и не подумала даже. Как-то ноги сами, на автопилоте, понесли туда, где всегда был умывальник...

Алика хмыкнула, но все же последовала ее примеру и тоже занялась разборкой своих вещей.

– Кстати, ты заметила, какие у бабушки и тети Оли прекрасные волосы? Не говоря уже о девочках. – Ирина открыла шкаф и отделила для себя несколько вешалок, оставив остальные Алике. Ей самой и этого хватит, она привезла с собой из одежды только самое необходимое, не то, что дочь.

– Ну да, обратила внимание... – Алика скептически поглядывала то на свои чемоданы, то на небольшой шкаф, явно оставаясь недовольной соотношением размеров первого и второго. – И волосы, и кожа. Ты им французскую косметику из Москвы присылаешь, да?

К ее удивлению, Ирина рассмеялась в ответ.

– Да какая французская косметика, доча? Она им тут даром не нужна. Родниковая вода, баня, травы – и никаких кремов, тоников и лосьонов не надо.

– Ага. Ты еще скажи, что над отварами надо заклинания пошептать, – недоверчиво хмыкнула Алика.

Днем стало еще жарче, и она хотела натянуть на себя топик, оставлявший открытой большую часть живота, но мама осуждающе покачала головой:

– Это не годится. Ты на кладбище идешь, а не в клуб. Оденься поприличнее.

Алика честно попыталась «одеться поприличнее», но это оказалось не так просто – почти ничего из купленных ею для отдыха на курорте нарядов не годилось. Ирина давно уже облачилась в скромную кофточку и неброские короткие брючки, а ее дочь все еще перебирала свои многочисленные купальники, парео, открытые платья и сарафаны и наконец с трудом остановилась на джинсовых шортах и футболке с ярким принтом – ничего более подходящего не нашлось.

Но хуже всего обстояло дело с обувью, поскольку пришлось выбирать между босоножками на высоченных каблуках и брендовыми пляжными тапками – промежуточных вариантов не имелось. Единственной обувью на плоской подошве оказались сандалии-«гладиаторы», которые Алика взяла с собой по ошибке – пик их моды уже прошел в прошлом году.

– Может, наденешь мои мокасины? – предложила Ирина, но дочь решительно воспротивилась:

– Ты что, мам, я в них, как в калошах, буду, они же мне велики на целый размер!

Обулась все-таки в «гладиаторы», обновила макияж и, прихватив сумочку, айфон, наушники и очки, последовала за матерью к давно уже ожидающей их внизу Татьяне Сергеевне.

Глава 5

От заката до рассвета

Вечером того же дня чуть не плача Алика сидела в их с мамой комнате, опустив ноги в холодную колодезную воду, и тихо постанывала от боли. Все было не просто плохо, нет, все было просто ужасно! Она стерла в кровь ступни и заработала кровавые рубцы подо всеми многочисленными ремешками «гладиаторов», не говоря уже о том, что испортила педикюр и навсегда убила сандалии. Но самым кошмарным было то, что, похоже, все ужасы еще только начинались...

На кладбище отправились втроем, с бабушкой. Лена осталась дома готовиться к экзаменам, а Наташа ушла на тренировку в тот самый ледовый дворец. Алика была уверена, что «к дедушке» они поедут – не на машине, так хоть на каком-нибудь самом завальщем автобусе. Но куда там! Пошли пешком, потому что до кладбища было «всего четыре километра». Ничего себе «всего»! Наверное, еще никогда в жизни Алика не ходила на столь далекое расстояние. Ей случалось ночи напролет танцевать в туфлях на каблуках, но оказалось, что пеший поход – это совсем не то, что вечеринки в клубах, куда тебя привозят и увозят на машине, а в перерывах между танцами можно посидеть за столиком и отдохнуть. А тут пришлось целый час топтать под палящим солнцем по пыльной дороге, стараясь не отстать от бодро шагающих родственников. Уже минут через пять пути Алика почувствовала, что ступни начинают гореть, а каждый встречный камешек, кажется, так и норовит запрыгнуть тебе в сандалию. В какой-то момент Алика просто сняла «гладиаторы» и пошла босиком, но от этого ей легче не стало – идти по шершавому горячему асфальту оказалось тем еще мучением, снова пришлось обуться.

Самое обидное, что взрослые даже и не заметили ее состояния. Мама и бабушка шли впереди и вели свои скучные разговоры об односельчанах: кто на ком женился, кто с кем развелся, кто приехал, кто уехал, у кого какие дети... Возникало такое чувство, что тут все друг друга знают и все приходится друг другу какой-то родней. Алика к их болтовне вообще не прислушивалась, она могла думать только про свои несчастные ноги и про то, что им еще предстоит обратный путь... Больше всего на свете хотелось пожаловаться, как она устала и как ей плохо, но гордость не позволила это сделать, и Алика мужественно молчала.

Наконец дошли до кладбища, а по нему – до своего участка, где было несколько памятников разного времени и могила с красивым гранитным бюстом – дедушкина. Николай Матвеевич Корень показался внучке человеком суровым и не улыбочивым; скульптор сумел даже передать взгляд деда, серьезный и строгий. Из надписи на памятнике Алика узнала, что ее дед был заслуженным врачом, кавалером ордена Трудового Красного Знамени и депутатом местного райсовета. Взглянув на даты жизни и смерти, она подсчитала, что он был заметно старше бабушки и умер рано, не дожив и до пятидесяти, когда тете Оле было шесть лет, а маме – всего четыре года.

– Да, работы тут на всех хватит, – покачала головой Татьяна Сергеевна, оглядывая участок. Видно было, что за ним следят: ограда вокруг красивая, ровная и недавно покрашена, на аккуратной клумбе пестреют какие-то незнакомые Алике цветы, каменные надгробия стоят прямо, не покосились, и надписи на них не стерлись. Однако на клумбе уже пробились сорняки, вокруг памятника буйно разросся бурьян, а надгробия и мраморная ваза для принесенных цветов покрылись слоем грязи.

– Давайте, девочки, за работу! – скомандовала бабушка. – Ира, мы с тобой будем собирать мусор и полоть траву, а ты, Алика, относи все это на помойку.

Это с такими-то ногами! Алика сейчас отдала бы все на свете, чтобы просто сесть на скамейку и спокойно посидеть. Но, стиснув зубы и не говоря ни слова, она взяла засохшие букеты, оставшиеся, видимо, еще с Пасхи, запихнула в пакет с мусором и пошла выполнять порученное.

Алика сама не знала, откуда у нее взялась эта упертость. Она привыкла совсем к другому. В той, привычной, жизни она всегда была в центре внимания, ей завидовали, ею восхищались... Там она могла делать все, что хотела, и никто ею не командовал и ни в чем не отказывал. Но та жизнь закончилась – нет, не с приездом в Атяшево, а гораздо раньше, в тот момент, когда хорошенько накаченная коктейлями Аликахватила пепельницей по башке прыщавую недомерку, которая посмела прямо у нее на глазах клеиться к ее парню, чуть в трусы к нему не полезла, а когда Алика возмутилась, еще и стала на нее наезжать. После задержания, ментовки, суда и домашнего ареста строптивости в ее характере несколько поубавилось.

«Интересно, – думала Алика, ковыляя к контейнеру, – как повела бы себя Вичка, попади она сейчас в мою шкуру? Небось, совсем расклеилась бы и истерику закатила...» Вика, считавшаяся еще со школы лучшей подругой Алики, всегда начинала психовать, чуть только что-то шло не по ее плану. За это в компаниях ее не любили и даже считали долбанутой, но сама Вика оправдывала свое поведение нервным срывом, который якобы пережила из-за развода родителей. На самом деле ее мать и отец давно жили как кошка с собакой, и от их развода всем троим стало только лучше, но Вика упорно строила из себя несчастную жертву и под это дело вила веревки из обоих предков.

Мысленное сравнение с Викой и осознание, насколько она крута на ее фоне, помогло Алике кое-как пережить уборку и мытье памятников. На обратном пути мама и бабушка наконец-то заметили, что она еле идет, и стали расспрашивать, что случилось. Разумеется, не обошлось и без комментариев и упреков в стиле «А я тебе говорила...», но Алика была так измучена, что пропустила всё мимо ушей. Впрочем, ее пожалели, заставили показать ноги и посетовали, что ничем не могут помочь – тут не Москва, такси на полдороге не возьмешь... Как ни тяжело – а идти надо. И Алика пошла, чуть не всхлипывая от жалости к себе и чувствуя себя Русалочкой из сказки Андерсена.

Наконец этот кошмар закончился. Придя домой, Алика даже ужинать не стала, заползла наверх в выделенную им с мамой комнату, где сначала полежала, тихо плача от боли и обиды, а затем, когда сердобольная Наташа принесла ей тазик с водой, принялась, как могла, спасать положение. Обо всех своих злоключениях Алика рассказала по телефону Вике и, совершенно предсказуемо, не нашла у той ни малейшего сочувствия. Конечно, Вичка поохала-поахала, но было видно, что чихала она на проблемы Алики с Дубайской башни. Вместо этого Вика рассказала, что ее отец с очередной любовницей едет на Мальдивы и скорее всего возьмет с собой и дочь – чтобы досадить матери. От этой новости Алике стало только горше. Ей сейчас хотелось оказаться где угодно, хоть на Мальдивах, хоть в пустыне Сахаре, хоть в Антарктиде, хоть на Марсе – лишь бы подальше отсюда!

Мама весь вечер в комнате не появлялась, только осмотрела, когда пришли, Аликовы ноги, сказала, что ничего страшного нет, и ушла, пробормотав что-то про бабушкины лечебные средства. Зато Алику весь вечер навещали сестры. Лена принесла ей ужин и унесла уже ненужный таз с водой, а Наташа намазала ее раны какой-то пахучей мазью.

– Щиплет? – заботливо спросила она. – Но ничего, потерпи. Заживет! У нас на фигурном катании, знаешь, каких только травм не бывает!.. И ничего. Все проходит, все быстро вылечиваются и встают в строй. И ты уже завтра будешь как новенькая, сможешь работать как ни в чем не бывало...

– Работать? – ужаснулась Алика. – Но я сегодня целый день работала! Даже спина болит! Неужели завтра опять?..

– Это на кладбище-то? – простодушно отвечала Наташа. – Ну что ты, какая там работа – участок три на три прополоть! Это не работа, а так, прогулка. Вот с грядками в огороде – там да, приходится повозиться... Да ты не пугайся! – рассмеялась она, увидев, как вытянулось ее лицо от ужаса. – В огород тебя не пошлют, уж завтра точно. Наверное, будем вместе сено ворошить...

Ворошить сено? Этого еще не хватало! Алика понятия не имела, что значат эти слова, но звучали они просто кошмарно. Она чувствовала себя так, как, должно быть, чувствует только-только пойманный дикий зверь, запертый в тесной клетке. Парадоксально, но в Москве, стесненной со всех сторон высотными стенами, переполненной машинами и уставшими от суеты людьми, она ощущала себя свободнее, чем здесь, в сельской местности, где со всех сторон был виден горизонт.

Когда сестры ушли, поинтересовавшись напоследок, не нужно ли ей еще что-нибудь, Алика упала на кровать и долго лежала, глядя в потолок. Она вспоминала, как на суде молилась про себя, чтобы ее не отправили в тюрьму... Тогда не отправили. Но теперь, похоже, тюрьма настигла ее здесь. Ну, может, и не совсем тюрьма, но каторжные работы – точно.

Она лежала так, до тех пор пока на улице не начало смеркаться. Алика приподнялась на постели, выглянула в окно и невольно залюбовалась. Даже в таком состоянии, с больными ногами, злая и растерянная, она все-таки не смогла не оценить красоту местного заката. Окна их комнаты выходили на запад, и там, за крышами домиков, за полем и дальними холмами, садилось золотисто-алое солнце, расписывая небо совершенно невероятными красками. Сумерки сгущались, темнота постепенно отвоевывала пространство неба у зари, но эта темнота была не крошечной тьмой – ночь щедрыми горстями расшвыряла по ней непривычно крупные для горожанина звезды. В мегаполисе почти не видно звезд, их свет всегда заслоняет холодный отблеск огней большого города. А здесь, в Атяшево, Алика вдруг внезапно осталась один на один с бескрайним, наполненным звездами небесным простором и почувствовала... Она даже сама не смогла понять, что именно почувствовала. Какую-то странную смесь восторга и острой, мучительной жалости к себе. Мир так прекрасен – и одновременно так несправедлив! Особенно к ней, к Алике. Ну почему у других все ровно и хорошо, почему у них матери и даже отцы, которым есть дело до своих детей?! Почему их возят отдыхать на курорты, а ее сослали в это богом забытое захолустье и только что не издеваются тут над ней? Из глаз покатались слезы, Алика всхлипнула раз, потом другой. И никому в этом мире не было дела до того, что она плачет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.